

АЛЕКС ШТОРМ

АЛГОРИТМ СОЦИАЛЬНОЙ СМЕРТИ

Алгоритм социальной смерти

Алекс Шторм

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Конструирование мишени

Глава 2. Царица доказательств. Как слова становятся приговором

Глава 3. Право на похищение. Индустрия «депрограммирования»

Глава 4. Тени прошлого. Идеологическая преемственность

Глава 5. Слияние систем. Агентура и правоохранные органы

Глава 6. Внутренняя чистка. Инквизиция в церковной оgrade

Глава 7. Пазловое кодирование. Архитектура массового насилия

Глава 8. Глобальная угроза. На пороге цивилизационного конфликта

Пролог

Меня зовут Алексей Шторм, и последние несколько лет я изучаю тишину. Не ту благостную тишину, которая наступает в лесу перед рассветом, а оглушающий, вакуумный провал, образующийся вокруг человека, когда его вычеркивают из общества. Это происходит не на эшафоте и не под прицелом телекамер. Современная казнь выглядит иначе: она начинается с уведомления на экране смартфона, с короткой новостной заметки, с сухого абзаца в заключении так называемого «эксперта».

Я помню дело Анны — имя изменено, но материалы ее судебного процесса до сих пор лежат на моем столе. Обычная женщина, преподаватель музыки, мать восьмилетнего сына. Ее жизнь закончилась в четверг, в 14:30, когда районный суд постановил ограничить ее в родительских правах. В материалах дела не было ни свидетельств жестокого обращения, ни медицинских диагнозов, указывающих на опасность для ребенка. Была лишь одна бумага — тридцать страниц убористого текста с печатью регионального отделения Центра религиоведческих исследований. В этом документе утверждалось, что религиозная группа, которую посещала Анна, применяет «контроль сознания», а значит, сама Анна является «деструктивным элементом», неспособным воспитывать гражданина.

Никто не проверял методологию этого исследования. Никто не задал вопрос, почему религиовед с сомнительным дипломом берет на себя функции психиатра. Судье было достаточно одного слова, вынесенного в заголовок экспертизы: «секта».

Это слово работает как тумблер. Оно отключает презумпцию невиновности, критическое мышление и базовую эмпатию. Как только на человека навешивают этот ярлык, он перестает быть субъектом права. Он становится мишенью.

Мое расследование началось именно с таких бумаг. Сначала я думал, что сталкиваюсь с локальными перегибами на местах — некомпетентностью отдельных чиновников или личной неприязнью. Но чем глубже я погружался в архивы судебных решений, чем больше общался с адвокатами, правозащитниками и самими пострадавшими, тем отчетливее проступал единый, безжалостный алгоритм. Я увидел

сеть, раскинувшуюся далеко за пределы одной страны. Сеть, в которой судебные экспертизы пишутся по одним и тем же шаблонам, медийные кампании запускаются синхронно, а методы психологического давления копируются с пугающей точностью.

Мы привыкли думать, что инквизиция осталась в Средневековье, вместе с кострами и дыбой. Мы верим, что живем в эпоху прав человека, где свобода совести защищена конституциями и международными конвенциями. Но реальность такова, что физические пытки просто сменились социальными. Зачем сжигать человека на площади, если можно уничтожить его репутацию, лишить работы, отобрать детей и заставить общество отвернуться от него? Социальная смерть гораздо эффективнее: она не оставляет следов крови, не вызывает сочувствия у толпы и, самое главное, она абсолютно легальна.

Глава 1. Конструирование мишени

Красная лампа на телевизионной камере загорается, фиксируя начало прямого эфира. В студии популярного вечернего ток-шоу приглушается свет, оставляя яркие софиты лишь над центральным диваном. На заднем фоне огромный плазменный экран транслирует тревожные, дергающиеся кадры: люди в балаклавах, полицейские мигалки, оцепленные здания, носилки скорой помощи. Звучит напряженная, пульсирующая музыка, задающая ритм сердцебиения. Ведущий, чей голос поставлен так, чтобы внушать одновременно доверие и панику, поворачивается к камере и произносит одно слово, которое должно изменить жизнь тысяч людей.

Секта.

На диване сидит женщина. Ее зовут Елена, и в титрах под ее лицом значится статус: «бывшая участница, чудом вырвавшаяся на свободу». Она прячет лицо в ладонях, ее плечи вздрагивают. Ведущий подает ей стакан воды, выдерживая идеальную театральную паузу, чтобы миллионы зрителей по ту сторону экрана успели проникнуться сочувствием к жертве и жгучей ненавистью к ее обидчикам. Елена начинает свой

рассказ. В ее истории нет конкретных дат, нет проверяемых фактов, нет документов или медицинских освидетельствований. Есть только эмоции: страх, подавленность, туманные намеки на психологическое насилие и финансовые поборы. Она рассказывает о том, как в общине, где практиковали медитацию и чтение древних текстов, ее якобы заставляли отказываться от общения с родственниками и отдавать последние сбережения.

Никто в студии не задает уточняющих вопросов. Никто не просит предоставить выписки с банковских счетов или записи разговоров. Никто не приглашает в эфир вторую сторону — представителей той самой общины, чтобы они могли ответить на обвинения. В этом жанре презумпция невиновности не просто игнорируется, она считается дурным тоном. Экран за спиной Елены тем временем сменяет кадры: теперь там показывают хронику зариновой атаки в токийском метро, устроенной «Аум Синрикё» в 1995 году, а затем — жуткие фотографии из Гайаны, где в 1978 году погибли сотни последователей «Храма народов» Джима Джонса.

Какое отношение мирная группа любителей йоги и восточной философии из спального района имеет к террористам, распылявшим отравляющий газ, или к массовому самоубийству в джунглях Южной Америки? Фактически — никакого. Но визуально и эмоционально связь уже установлена. В сознании зрителя, пьющего вечерний чай перед телевизором, эти образы сливаются воедино. Срабатывает нейробиологическая ловушка: мозг, атакованный сильными эмоциями и пугающими картинками, отключает аналитические центры. Зритель больше не анализирует информацию, он ее поглощает.

Так выглядит первый этап социальной казни. Так конструируется мишень.

Прежде чем государство применит к группе людей репрессивный аппарат, прежде чем в их дома придут с обысками, а суды начнут штамповать обвинительные приговоры, общество должно дать на это свое молчаливое, а лучше — горячее согласие. Ни одна масштабная кампания по уничтожению гражданских прав не начинается с юридических актов. Она всегда начинается со слов. С формирования образа врага, настолько отвратительного и опасного, что любые действия против него будут восприниматься не как произвол, а как необходимая самооборона общества.

В основе этой технологии лежит процесс стигматизации — навешивания ярлыков, которые полностью перечеркивают личность человека или суть организации, заменяя их карикатурным, пугающим шаблоном. Слово «секта» в современном медийном пространстве давно утратило свое первоначальное, научное значение.

Перссон Бертил в своей книге «Борьба против сект: идейные основы и их несостоятельность» пишет:

«В XI–XVII вв. слово “секта” используется как синоним литературной, философской, политической или религиозной школы мысли или (секретного или частного) общества. Итак, некий философский кружок, тайное религиозное собрание христиан, литературный салон, орден (как в значении филантропического общества, так и в значении подразделения Католической церкви) и даже политическая партия могут быть названы “сектами”».

Сегодня этот термин превратился в клеймо. Как только в новостном сюжете или газетной статье рядом с названием организации появляется слово «секта» или придуманные антикультистами неологизмы вроде «деструктивный культ» и «тоталитарная секта», происходит мгновенная трансформация восприятия. Этот ярлык работает как триггер. Он аннулирует любые положительные качества дискредитируемой группы. Если члены этой группы занимаются благотворительностью — это объявляется «вербовкой». Если они демонстрируют крепкие семейные связи — это называют «изоляцией от внешнего мира». Если они не совершают правонарушений — это трактуется как «тщательная конспирация» и «подготовка к масштабному преступлению».

Стигматизация опасна тем, что она запускает механизм дегуманизации. Дегуманизация — это процесс, при котором человек или группа людей представляются не как люди, наделенные правами, чувствами и достоинством, а как нечто чуждое, низшее, подобное вирусу или паразиту, которого следует изолировать и уничтожить. Создавая негативный, обезличенный образ группы, средства массовой информации подготавливают общество к мысли, что насилие в отношении этой группы оправдано.

История знает немало примеров того, как слова прокладывали путь физическому уничтожению. В нацистской Германии процесс истребления начался не с газовых камер, а с газетных передовиц, карикатур и радиопередач.

«Ты еврей, ты тот, из-за кого плохо живёт немецкий народ». И страшный геноцид, который за этим последовал. Входить в лагерь и разговаривать через проволоку строго запрещено под угрозой расстрела.

Этот принцип назначения виноватых за все беды общества универсален. В Третьем рейхе для визуальной стигматизации использовались физические метки. Евреев заставляли носить желтые звезды Давида с надписью «Jude». Свидетели Иеговы, которых нацисты считали особо опасной категорией из-за их отказа брать в руки оружие и произносить приветствие фюреру, носили на лагерных робах лиловые треугольники. Эти знаки отличия служили одной цели: мгновенно идентифицировать человека как изгоя, лишённого права на сочувствие.

В современную информационную эпоху физические нашивки на одежде больше не нужны. Их заменили цифровые теги, заголовки статей и поисковые подсказки. Когда человек вводит в поисковик название интересующей его религиозной или философской группы, алгоритмы, заранее накаченные антикультовым контентом, первыми выдают ссылки на статьи со словами «осторожно», «опасность», «промывка мозгов». Цифровая желтая звезда прикрепляется к репутации организации намертво.

Чтобы этот ярлык держался крепко, антикультовые организации и сотрудничающие с ними журналисты используют специфический инструментарий. Одним из главных орудий в их арсенале является метод «вины по ассоциации».

Расследователи дают четкое определение этой технологии:

Метод «вины по ассоциации» — это манипулятивный приём, при котором организация, ставшая объектом преследования, намеренно связывается или ассоциируется с негативными образами экстремистских групп, террористических организаций, преступников и диктаторов, уже прочно укоренившихся в общественном сознании.

Как это работает на практике? Представьте себе небольшую общину, которая собирается по выходным для совместного чтения духовной литературы и пения гимнов.

У них нет оружия, они платят налоги, их дети ходят в обычные школы. Найти в их деятельности состав преступления невозможно. Тогда в прессе появляется статья, написанная так называемым «экспертом-сектоведом». В этой статье деятельность общины описывается через призму трагедий, потрясших мир десятилетия назад. Автор пишет: «Они беспрекословно подчиняются своему лидеру точно так же, как это делали последователи Джима Джонса в Джонстауне перед тем, как выпить яд». Или: «Их закрытые собрания напоминают структуру секты Дэвида Кореша в Уэйко, что неминуемо приведет к трагедии».

Никаких доказательств того, что местная община планирует массовое самоубийство или вооруженное противостояние с властями, не приводится. Доказательства здесь и не нужны. Цель манипулятора — создать устойчивую нейронную связь в голове обывателя: «эта группа = Джонстаун = смерть».

Согласно Кембриджскому словарю (Cambridge Dictionary): манипуляция — это «контроль над кем-либо или чем-либо в своих интересах, часто несправедливым или нечестным образом».

Именно этот нечестный контроль над восприятием масс позволяет антикультистам формировать нужную им реальность. Они эксплуатируют базовый человеческий инстинкт — страх перед неизвестным. Религиозные меньшинства, новые духовные движения, нетрадиционные философские школы всегда непонятны большинству. Их ритуалы кажутся странными, их лексикон — непривычным. Манипулятору остается лишь взять это естественное непонимание и конвертировать его в панический ужас.

Особую роль в этом процессе играют «апостаты» — бывшие участники движений, покинувшие их со скандалом или затаившие личную обиду. В социологии религии феномен апостатов изучен достаточно хорошо. Исследователи отмечают, что человек, радикально разрывающий связи со своей бывшей группой, часто нуждается в оправдании собственного прошлого выбора и последующего ухода. Чтобы не выглядеть в собственных глазах и глазах общества человеком, который просто ошибся или не ужился с коллективом, апостат конструирует нарратив, в котором он предстает невинной жертвой всемогущей, зловещей организации.

Для антикультового движения и жадных до сенсаций СМИ такие люди — идеальная находка. Они становятся главными поставщиками эмоционально заряженного контента. Их истории не подвергаются фактчекингу. Если бывший участник заявляет, что в общине его гипнотизировали взглядом и заставляли работать по двадцать часов в сутки, журналист не пойдет проверять графики смен или консультироваться с психиатрами о возможности такого гипноза. Слова апостата принимаются на веру, потому что они идеально укладываются в заранее созданный шаблон «тоталитарной секты».

Более того, антикультовые центры часто сами находят таких людей, оказывают им психологическую и юридическую поддержку, фактически обучая их тому, что и как нужно говорить перед камерами. Формируется симбиоз: бывший участник получает минуту славы, статус жертвы и иногда финансовую компенсацию, а антикультисты получают живое «доказательство» своих теорий, которое можно предъявить обществу и властям.

Результатом этой массированной информационной обработки становится формирование общественного консенсуса. Это состояние общества, при котором лишение прав определенной группы людей воспринимается как благо. Граждане, ежедневно потребляющие токсичный контент о «засилье сект», начинают искренне верить, что их дети находятся в смертельной опасности, что на улицах орудуют вербовщики, готовые лишить их квартир и рассудка. В такой атмосфере любой призыв к репрессиям встречается аплодисментами.

Рассмотрим, как этот алгоритм социальной смерти был реализован на практике в отношении одной из самых известных и многочисленных религиозных групп — Свидетелей Иеговы в России.

Долгие годы эта организация существовала в легальном поле. Ее члены были известны тем, что проповедовали на улицах, отказывались от службы в армии по религиозным убеждениям (выбирая альтернативную гражданскую службу) и не участвовали в политической жизни. У них не было истории насильственных преступлений, они не призывали к свержению государственного строя. Однако с начала 2000-х годов против них начала разворачиваться планомерная кампания по стигматизации.

В региональной и федеральной прессе стали регулярно появляться статьи, в которых Свидетелей Иеговы называли «деструктивным культом». Главным аргументом антикультистов стал отказ верующих от переливания крови по религиозным мотивам. Этот сложный биоэтический и теологический вопрос, который в демократических странах решается в рамках права пациента на информированный отказ от медицинского вмешательства, в СМИ подавался исключительно как «человеческие жертвоприношения» и «убийство детей».

Постепенно градус риторики повышался. В ход пошел метод вины по ассоциации в его самой радикальной форме. Мирную группу, чьи убеждения строго запрещают брать в руки оружие, начали ставить в один ряд с международными террористическими синдикатами. В телевизионных сюжетах кадры с богослужений Свидетелей Иеговы монтировались встык с репортажами о боевиках ИГИЛ на Ближнем Востоке. Дикторы с тревожными интонациями рассуждали о том, что «экстремизм бывает разным», и что «духовный терроризм» ничуть не лучше вооруженного.

Эта медийная артподготовка длилась годами. Она капля за каплей отравляла общественное сознание. Люди, которые раньше просто проходили мимо стендов с религиозной литературой, в ряде случаев начали проявлять агрессию. Сообщалось о случаях вандализма в отношении зданий для богослужений, верующих иногда увольняли с работы под надуманными предлогами, а в отдельных конфликтах учителя в школах допускали публичное унижение детей из семей Свидетелей Иеговы.

Общество было подготовлено. Мишень была не просто нарисована — она была подсвечена прожекторами ненависти. И когда в апреле 2017 года Верховный суд Российской Федерации вынес решение о признании Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России экстремистской организацией и запрете ее деятельности, общество промолчало. Не последовало массовой общенациональной волны протеста, сопоставимой с масштабом самого решения. Большинство граждан либо восприняли эту новость пассивно, либо приняли официальную трактовку о борьбе с «экстремизмом».

Тот факт, что более 100 тысяч законопослушных граждан оказались затронуты запретом, остался незамеченным. Тот факт, что за чтение Библии в собственной квартире или участие в совместных богослужениях впоследствии стали возбуждаться

уголовные дела и выносятся реальные сроки лишения свободы, никого не смутил. Дегуманизация сработала безупречно. В глазах общества эти люди перестали быть согражданами, соседями, коллегами. Они стали «сектантами», «экстремистами», элементами, подлежащими искоренению.

Профессор Массимо Интровинье, один из ведущих мировых социологов религии, описывая стратегию подавления меньшинств, назвал ее «Римской формулой». Эта формула состоит из трех последовательных этапов: нетерпимость, дискриминация, преследование.

То, что мы наблюдаем на этапе медийной травли — это искусственное конструирование нетерпимости. Антикультовые организации выступают в роли архитекторов этой нетерпимости. Они не просто реагируют на некие объективные угрозы, они эти угрозы создают, упаковывают в удобные для массового потребления форматы и транслируют через лояльные СМИ.

Важно понимать, что этот процесс не является хаотичным. Это не случайные всплески журналистского непрофессионализма или локальные конфликты на религиозной почве. Это системная, хорошо финансируемая и методично реализуемая стратегия. За каждым ток-шоу, за каждой разгромной статьей, за каждым выступлением «эксперта-сектоведа» стоят конкретные интересы.

Создание образа «внутреннего врага» решает сразу несколько задач. Во-первых, это идеальный громоотвод для социального напряжения. Когда в стране экономические проблемы, растет преступность или падает уровень жизни, очень удобно направить гнев толпы на маргинальную, беззащитную группу. «Это не коррупция виновата в ваших бедах, это сектанты разрушают традиционные ценности и подрывают устои государства».

Во-вторых, борьба с искусственно созданным врагом позволяет антикультовым организациям претендовать на дополнительное финансирование — как в виде государственных грантов, так и в виде частных пожертвований от напуганных граждан. Индустрия страха приносит колоссальные дивиденды. Чем страшнее образ врага, тем больше ресурсов требуется на борьбу с ним.

В-третьих, и это, пожалуй, самое главное, обкатка технологий подавления на религиозных меньшинствах создает прецедент. Если общество соглашается с тем, что ради мифической «духовной безопасности» можно пренебречь презумпцией невиновности, свободой слова и свободой собраний в отношении одной группы людей, то завтра эти же методы могут быть применены к кому угодно. К политической оппозиции, к независимым журналистам, к экологическим активистам, к любой социальной группе, которая покажется власти или влиятельным теневым структурам неудобной.

Механизм социальной смерти универсален. Ему абсолютно все равно, кого перемалывать. Сегодня это последователи нетрадиционной религии, завтра — участники философского кружка, послезавтра — сотрудники коммерческой корпорации, чья корпоративная культура кому-то покажется слишком сплоченной.

В марте 1997 года в Германии произошел показательный случай, демонстрирующий, как стигматизация переходит на государственный уровень и затрагивает не только религиозную, но и экономическую сферу. Был раскрыт секретный приказ Федерального агентства по труду, обязывающий все государственные центры занятости отмечать бизнесы, подозреваемые в принадлежности саентологам, литерой «S». В рамках кампании по ограничению коммерческих прав этой группы, Федеральное министерство труда и социальных дел выпустило распоряжение, согласно которому все дела, касающиеся фирм, принадлежащих саентологам, должны были помечаться этой буквой.

Буква «S» в личных делах и карточках предприятий. Ничего не напоминает? Это та же самая желтая звезда, тот же самый лиловый треугольник, только адаптированный под бюрократические реалии конца двадцатого века. Человек или компания могли сталкиваться с ограничениями на рынке труда не потому, что они нарушали закон, не платили налоги или производили некачественный продукт. Они подвергались дискриминации по признаку предполагаемой принадлежности к стигматизированной группе. Ярлык заменил собой правосудие.

Когда мы смотрим на эти процессы вблизи, когда мы читаем документы и анализируем медийные кампании, становится очевидным пугающий факт: современное общество, гордящееся своим гуманизмом и технологическим прогрессом,

оказалось абсолютно беззащитным перед древними инстинктами толпы, умело направляемыми профессиональными манипуляторами.

Мы научились защищать свои компьютеры от вирусов, мы ставим сложные пароли на банковские счета, но мы оставляем свое сознание открытым для информационного террора. Мы позволяем людям с сомнительными дипломами и скрытыми мотивами решать, кто в нашем обществе имеет право на существование, а кто должен быть стерт в порошок.

Экран телевизора в темной комнате продолжает мерцать. Ток-шоу подходит к концу. Ведущий с трагическим выражением лица благодарит Елену за ее «мужество» и обращается к зрителям с призывом быть бдительными, следить за своими близкими и немедленно сообщать в компетентные органы о любых подозрительных собраниях. По экрану ползут титры. Зритель нажимает кнопку на пульте, экран гаснет, но посеянный страх остается. Он пускает корни в подсознании, меняя оптику, через которую человек смотрит на мир. Завтра этот зритель выйдет на улицу, посмотрит на своего соседа, который по выходным уходит куда-то с книгой в руках, и в его голове сработает заложенный триггер.

Слово произнесено. Мишень сконструирована. Общество дало свое согласие на расправу. Теперь в игру должны вступить те, кто придаст этой эмоциональной истерии видимость законности и научности. Те, чьи подписи на официальных бланках превратят газетную ложь в судебные приговоры. Те, кто превратил религиоведение в инструмент инквизиции.

Глава 2. Царица доказательств. Как слова становятся приговором

Зал судебных заседаний — это пространство, где эмоции должны уступать место фактам, а общественная истерия — холодной букве закона. Когда тяжелая деревянная

дверь закрывается, отсекая шум коридора, предполагается, что внутри остаются только логика, доказательства и беспристрастность. Судья в черной мантии не должен смотреть телевизионные ток-шоу. Он не должен руководствоваться страхами толпы. Его задача — взвесить аргументы сторон на весах правосудия.

Но что происходит, когда на одну чашу весов ложатся судьбы людей, их конституционные права и свобода совести, а на другую — несколько листов бумаги формата А4, скрепленных степлером и заверенных синей печатью?

В российской правовой системе, как и во многих других странах континентального права, существует негласное, но железобетонное правило. Судья является специалистом в области права. Он знает кодексы, процессуальные нормы и правила оценки доказательств. Но он не обязан — и физически не может — быть специалистом в области ядерной физики, баллистики, психиатрии, лингвистики или теологии. Когда перед судом встает вопрос, требующий специальных познаний, судья обращается к эксперту.

В гражданском и уголовном судопроизводстве экспертиза негласно носит титул «царицы доказательств». Это тот самый фундамент, на котором строится приговор. Если эксперт заявляет, что подпись на договоре подделана, суд признает сделку недействительной. Если судебно-медицинский эксперт пишет, что смерть наступила от отравления, суд ищет отравителя. Судья делегирует эксперту право на установление истины в узкой предметной области, снимая с себя ответственность за научную или техническую сторону вопроса.

Именно в эту уязвимую точку правовой системы и нанесла свой главный удар антикультовая индустрия.

Изучая архивы судебных дел, связанных с преследованием религиозных меньшинств, я раз за разом натывался на одну и ту же схему. Адвокаты защиты могли приводить в суд десятки свидетелей, демонстрирующих безупречную репутацию обвиняемых. Они могли предоставлять финансовые аудиты, доказывающие отсутствие мошенничества. Они могли цитировать международные конвенции и решения Европейского суда по правам человека. Но все эти тома защиты разбивались о тонкую папку с надписью «Комплексная психолого-лингвистическая (или религиоведческая) экспертиза».

Суд принимал во внимание в первую очередь то, что было написано в этом документе. Ошибка эксперта — случайная или преднамеренная — автоматически превращалась в судебную ошибку. А в делах о свободе совести такие ошибки оборачиваются сломанными жизнями, разрушенными семьями и тюремными сроками для абсолютно невинных людей.

Чтобы понять, как работает эта технология юридического террора, необходимо рассмотреть терминологический аппарат, которым оперируют так называемые «сектоведы». В основе их заключений лежат термины «тоталитарная секта» и «деструктивный культ».

Парадокс заключается в том, что ни в российском, ни в международном праве не существует общепринятого юридического определения этих понятий. Вы не найдете их ни в Уголовном кодексе, ни в Конституции, ни в базовых федеральных законах, регулирующих деятельность религиозных объединений. В академической среде эти термины также остаются спорными и неоднозначными. Они были искусственно сконструированы и внедрены в публичный дискурс конкретной группой лиц для решения вполне конкретных задач.

Размытость этих понятий — не недоработка их создателей, а их главное преимущество. Отсутствие четких, измеримых критериев позволяет подвести под определение «тоталитарной секты» абсолютно любую группу людей. Строгая дисциплина в общине? Это «подавление личности». Отсутствие строгой дисциплины? Это «хаотичное воздействие на психику». Сбор добровольных пожертвований? Это «финансовая эксплуатация». Бесплатная раздача литературы? Это «агрессивная вербовка».

Когда эксперт использует в официальном заключении для суда неправовые, эмоционально окрашенные термины, он совершает подмену. Он переводит юридический процесс в плоскость идеологической расправы. И самым ярким, хрестоматийным примером того, как эта система попыталась легализовать абсурд на государственном уровне, стал судебный процесс в городе Томске.

Сибирский процесс над древним текстом

Осень 2010 года. Томск — крупный образовательный и научный центр Сибири, город студентов и университетов. Именно здесь был запущен правовой механизм, который едва не привел к международному дипломатическому скандалу беспрецедентных масштабов и продемонстрировал всю глубину деградации института судебной экспертизы.

В центре внимания оказалась не подпольная ячейка радикалов и не склад с оружием. Мишенью стала книга. «Бхагавад-гита как она есть» — перевод и комментарии к одному из главных священных текстов индуизма, сделанные Бхактиведантой Свами Прабхупадой. Сам текст «Бхагавад-гиты» является частью «Махабхараты» и, по оценкам исследователей, был создан в последние века до нашей эры или в первые века нашей эры. Это философская поэма, часть великого эпоса «Махабхарата», текст, который изучали и которым восхищались Лев Толстой, Махатма Ганди и миллионы людей по всему миру.

Прокуратура города Томска обратилась в суд с заявлением о признании русскоязычного издания с комментариями этой книги экстремистским материалом.

Основанием для этого иска послужило единственное доказательство — экспертное заключение, составленное тремя сотрудниками Томского государственного университета (ТГУ). Руководил группой декан философского факультета ТГУ Сергей Аванесов, а непосредственный анализ проводили философ Валерий Свистунов и филолог Валерий Наумов.

Когда я читал материалы этого дела, меня поразила не только сама попытка судить древний религиозный памятник по статьям современного уголовного кодекса, но и то, как именно рождалась эта «царица доказательств».

В ходе судебных слушаний, когда экспертов вызвали для дачи показаний, начала вырисовываться картина, далекая от стандартов независимого научного исследования. Выяснилось, что инициатива исходила вовсе не от академического сообщества, обеспокоенного содержанием книги. К Сергею Аванесову лично обращался сотрудник Управления ФСБ России по Томской области Дмитрий Великоцкий. Никакого официального приказа по университету о создании экспертной комиссии, как сообщалось в материалах процесса, не издавалось. Задание было сформулировано

размыто, а сами исполнители, как оказалось, имели весьма отдаленное представление о предмете исследования.

Протоколы допроса экспертов в суде читаются как сценарий театра абсурда. Кандидат философских наук Валерий Свистунов, чья подпись стояла под документом, решающим судьбу священного текста, был вынужден отвечать на прямые вопросы защиты.

«Допрошенный судом Валерий Свистунов сообщил, что Аванесов предложил ему сделать философское исследование, а не судебную экспертизу, что приказа по ТГУ о назначении экспертной комиссии не было, что задачи перед ним были поставлены нечётко, что раньше эту книгу он не читал, а при составлении экспертизы пользовался информацией с антикультовых сайтов».

Вдумайтесь в эти слова. Человек, наделенный статусом эксперта, от чьего мнения зависит, будут ли тысячи верующих граждан России объявлены преступниками за чтение своей священной книги, признается под присягой: он не читал эту книгу раньше. А для того, чтобы найти в ней признаки экстремизма, он отправился не в академическую библиотеку, не к трудам признанных индологов, а на ангажированные антикультовые сайты. Он искал не истину, он искал аргументы для обвинения, заранее сформированного заказчиками.

Заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории ТГУ Олег Хазанов позже отмечал, что на историческом факультете университета уже много лет изучают «Бхагавад-гиту», и он сам читает лекции на эту тему. Однако проведение экспертизы поручили не профильным специалистам-индологам, а людям, для которых этот текст никогда не был предметом научного поиска. Научное сообщество открыто назвало их некомпетентными в данном вопросе.

В чем же заключался «экстремизм» древнего эпоса по версии томских экспертов? Главной претензией стала лингвистическая канва комментариев. Эксперты выискивали резкие слова, вырванные из контекста теологического диспута. Например, слово «глупец». В тексте, написанном много веков назад, шла полемика о людях, которые не хотят слушать Бога. Эксперты же трактовали это как унижение человеческого достоинства по религиозному признаку в современных реалиях.

Представители защиты в суде методично разрушали это заключение. Они указывали на то, что ряд приводимых в экспертизе цитат был либо грубо вырван из контекста, либо, по утверждению защиты, вообще отсутствовал как в комментариях, так и в оригинальных текстах книги. Более того, эксперты анализировали не только заявленное третье издание, но и второе, отличающееся переводом, а также иные тексты Прабхупады, смешивая все в одну кучу для создания нужного объема «доказательств».

Защита ходатайствовала о приобщении к материалам дела альтернативной экспертизы. Ее подготовила Екатерина Элбакян — доктор философских наук, известный российский религиовед, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН и член Европейской ассоциации по изучению религии. Ее квалификация не вызывала сомнений. В своем заключении она подробно проанализировала учение вайшнавов, разобрала ошибки томской комиссии и однозначно указала на отсутствие какого-либо экстремизма в книге.

Суд первоначально не принял эту позицию как решающую. Мнение признанного ученого с мировым именем оказалось не нужным правосудию, потому что оно противоречило заранее выбранному вектору.

Позиция прокуратуры на этом процессе заслуживает отдельного внимания. Когда стало очевидно, что обвинение рассыпается, а сами эксперты начинают отказываться от своих категоричных выводов, прокурор произнесла фразу, которая идеально иллюстрирует саму суть превентивных репрессий.

«Как выяснилось, стороне обвинения не известны факты совершения каких-либо преступлений, связанных с “Бхагавад-гитой”. Тем не менее, отметила прокурор, заявление в суд сделано, чтобы предотвратить возможные преступления экстремистского характера».

Преступлений нет. Пострадавших нет. Фактов нарушения закона нет. Но книгу нужно запретить, а людей, ее читающих, поставить вне закона просто потому, что кто-то решил, что в будущем они *могут* что-то совершить. Это логика инквизиции, упакованная в современную юридическую терминологию. Наказывать не за деяние, а за потенциальную мысль.

Томский процесс вызвал бурю возмущения. Реакция общественности, независимых журналистов и правозащитников была почти единогласной: суд над книгой воспринимался как абсурд. Но настоящим шоком это стало для Индии, где «Бхагавад-гита» является основой духовной культуры. Индийский парламент в декабре 2011 года прерывал заседания из-за протестов депутатов, требовавших от правительства вмешаться и защитить священный текст от оскорбительного судебного разбирательства в сибирском городе. Дипломатическое напряжение резко возросло.

В итоге, 28 декабря 2011 года суд первой инстанции отклонил иск прокуратуры, а 21 марта 2012 года апелляция была также отклонена. Книга была спасена. Но этот процесс стал важнейшим прецедентом. Он показал, что антикультовая машина готова замахнуться на мировые религии, используя карманных экспертов и лояльных силовиков. И если в случае с индуизмом за верующих вступилось целое государство с миллиардным населением, то что происходит с небольшими общинами, за которые некому заступиться на дипломатическом уровне?

Интеллектуальный подлог как метод

Томское дело не было единичным сбоем системы. Оно обнажило устоявшуюся практику, при которой экспертиза превращается в инструмент обслуживания обвинения. Когда фактов не хватает, их просто изобретают.

Яркой иллюстрацией этого метода стал судебный процесс в Измайловском районном суде Москвы 23 июня 2015 года. На этот раз мишенью стала литература по Саентологии. В качестве эксперта, чье заключение должно было лечь в основу судебного решения, выступала Лариса Астахова.

Изучая видеозапись этого судебного заседания, я наблюдал сцену, которая в любой правовой системе, дорожащей своей репутацией, могла бы стать основанием как минимум для жесткой проверки качества и добросовестности экспертного заключения.

Адвокаты защиты, скрупулезно проверив каждую страницу экспертизы Астаховой, обнаружили не просто методологические ошибки или спорные трактовки. Они обнаружили, по их утверждению, прямую фальсификацию. Эксперт строила свои

обвинительные выводы на цитатах, которых, как заявляла защита, физически не существовало в исследуемых книгах.

Представитель защиты в зале суда заявил:

«Экспертом произведён интеллектуальный подлог тех объектов, которые она исследовала. Мы полагаем, что только с прямым умыслом можно указать в экспертизе цитату, которая якобы принадлежит автору Рону Хаббарду, и которой в действительности там, где указывает эксперт, либо где-то ещё, просто нет. Имею ввиду цитату на стр.15 заключения эксперта, которая якобы содержится на странице 5 книги Рона Хаббарда “Введение в саентологическую этику”, из которой эксперт выводит, ни много ни мало, какова основная цель саентологов. Так вот, мы просмотрели эту книгу — ни на странице 5, ни на любой другой странице у Р.Хаббарда этой цитаты нет. Эксперт её в данном случае, не знаю, выдумала или не выдумала, но она приписала автору то, чего у него нет. Иными словами, я полагаю, что она совершила интеллектуальный подлог. Это все равно, что, если бы оценивая от чего умер человек, она бы капнула туда яду и сказала бы, что его отравили, это совершенно аналогичная ситуация».

Капнуть яд в пробирку с анализами, чтобы доказать факт отравления. Эта метафора адвоката абсолютно точно описывает суть работы антикультовых экспертов. Они не исследуют реальность, они конструируют ее под нужды заказчика.

Заключение Астаховой подверглось разгромной критике со стороны ряда российских ученых. Кандидат философских наук Юрий Тихонравов, доктор юридических наук Игорь Сорокотягин, доктор социологических наук Галина Широкалова, а также другие специалисты, чьи отзывы были опубликованы и обсуждались в профессиональной среде, открыто заявили о научной несостоятельности этого документа. Екатерина Элбакян также писала, что большинство специалистов, ознакомившихся с экспертизой, пришли к выводу о грубом нарушении принципов ее подготовки.

Но для системы, нацеленной на уничтожение конкретной группы, мнение академического сообщества вторично. Главное — наличие бумаги с печатью, которая позволяет судье вынести нужное решение, формально соблюдая процессуальные нормы.

Источник заражения: Анатомия «Сектоведения»

Возникает закономерный вопрос: откуда берется эта армия некомпетентных, но агрессивных экспертов? Где они черпают свою методологию, если академическая наука отвергает их методы? Кто снабжает их терминологией, аргументами и лекалами, по которым кроются обвинительные заключения от Томска до Москвы?

Все нити этого расследования неизбежно ведут к одному человеку и одной книге. Александр Дворкин и его труд «Сектоведение».

Первое издание этой работы вышло в 1998 году под названием «Введение в сектоведение. Учебное пособие к курсу “Сектоведение”». Изначально это была брошюра, составленная на основе лекций, которые Дворкин читал в Православном Свято-Тихоновском богословском институте. В 2000 году вышло существенно переработанное и расширенное издание — «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования».

Эта книга стала одним из ключевых текстов для всей антисектантской кампании в России и за ее пределами. Термин «тоталитарная секта» в этой работе занимает центральное место, а в научной литературе отмечалось, что это выражение несет не только описательный, но и ярко выраженный оценочный компонент — фактически работает как приговор, а не как нейтральное научное понятие. Именно на такой язык нередко опираются чиновники, силовики и журналисты, когда им нужно обосновать репрессии против очередного религиозного меньшинства. Труд Дворкина легитимизировал в публичном поле язык вражды, замаскировав его под псевдоакадемическое исследование.

Но что произойдет, если мы возьмем эту книгу — главный инструмент обвинения — и применим к ней те же самые строгие юридические и лингвистические критерии, которые антикультисты требуют применять к литературе своих жертв? Что будет, если независимые специалисты проведут комплексную правовую оценку текста Дворкина на предмет наличия в нем признаков экстремистской деятельности?

Группа независимых экспертов провела такое исследование. Они использовали признанные и апробированные в судебной практике методы анализа текста: лексико-

семантический, контекстуальный, дискурсивный и прагматический. Они опирались на Федеральный закон РФ «О противодействии экстремистской деятельности», статьи Уголовного кодекса, а также на международные нормы, включая Международный пакт о гражданских и политических правах и План действий Рабата ООН.

Результаты этого анализа оказались ошеломляющими. Они документально подтвердили то, о чем правозащитники говорили годами.

Экспертиза установила, что текст книги «Сектоведение» содержит многочисленные и системно организованные признаки, характерные для «языка вражды». Автор целенаправленно использует языковые средства и речевые стратегии, направленные на формирование у читателя резко негативного, враждебного и уничижительного отношения к целым религиозным группам: Свидетелям Иеговы, мормонам, пятидесятникам, саентологам, кришнаитам и многим другим.

В книге последовательно проводится мысль о религиозной эксклюзивности. Логика повествования выстроена таким образом, чтобы убедить читателя: существует лишь одна «истинная и чистая религия» (в трактовке автора — Русская православная церковь Московского Патриархата), а все остальные конфессии являются ложными, опасными, дьявольскими и подлежат искоренению.

Юристы и лингвисты, проводившие анализ, пришли к однозначному выводу:

«"Сектоведение" Дворкина представляет собой идеологический эквивалент нацистской концепции "расовой чистоты", только перенесённый в религиозную сферу. Сеть Дворкина в России и за её пределами использует данный труд как методологическую основу для давления на следствие и суды, что приводит к систематическому признанию "экстремизмом" иных конфессий и религиозных движений. В условиях сохранения демократии и верховенства права международное сообщество и национальные правовые системы обязаны реагировать на такие проявления до того, как подобная идеология разрушит основы прав человека и свободы вероисповедания в глобальном масштабе».

Это не публицистическая метафора. Это сухой юридический вывод. Анализ по критериям теста Рабата (международного стандарта определения порога, за которым свобода слова переходит в уголовно наказуемое подстрекательство к ненависти)

показал наличие в книге всех ключевых факторов: авторитетный статус говорящего, намеренное формирование враждебного отношения, использование демонизирующей риторики и широкое распространение текста в образовательной среде.

Содержание «Сектоведения» по мнению его критиков системно снижает в обществе порог терпимости. Оно оправдывает дискриминацию. Оно дает моральную и псевдонаучную индульгенцию на насилие.

Парадокс правоприменительной системы заключается в том, что книга, содержащая объективные, научно подтвержденные маркеры экстремизма и разжигания религиозной розни, свободно издается, продается и используется как учебное пособие. В то же время тексты, проповедующие ненасилие и духовный поиск, запрещаются судами на основании экспертиз, написанных последователями этой самой книги.

Мы видим, как правовой институт юстиции, призванный защищать истину и обеспечивать законность, был взломан и перепрограммирован. Экспертиза перестала быть инструментом познания. Она стала оружием. Оружием, которое позволяет обходить презумпцию невиновности, игнорировать отсутствие реальных преступлений и выносить приговоры на основании сфабрикованных цитат и личной неприязни.

Когда судья в черной мантии берет в руки заключение, написанное человеком, который черпает свои знания с анонимных сайтов или выдумывает несуществующие цитаты, правосудие заканчивается. Начинается инквизиция, оформленная по правилам современного делопроизводства. И самое страшное в этой системе то, что для запуска механизма уничтожения больше не нужны костры и пыточные камеры. Достаточно одного листа бумаги, на котором человек с сомнительным дипломом напишет слово «секта», а человек в мантии поставит под этим словом государственную печать.

Глава 3. Право на похищение. Индустрия «депрограммирования»

Граница между психологическим давлением и физическим насилием всегда тоньше, чем кажется из зала суда. Когда юридические механизмы дают сбой, когда адвокатам удается отбить атаки на свои общины, а судьи отказываются выносить обвинительные приговоры за чтение книг, система подавления инакомыслия не останавливается. Она просто меняет инструментарий. Она выходит из светлых залов судебных заседаний, снимает мантию законности и спускается в теневой сектор, где действуют совершенно иные правила. Здесь больше не нужны экспертизы и лингвистические анализы. Здесь нужны крепкие парни, автомобили с тонированными стеклами, звукоизолированные комнаты и готовность переступить через базовое право человека на свободу и личную неприкосновенность.

Этот теневой рынок имеет свое респектабельное, почти медицинское название — «депрограммирование». Термин, придуманный для того, чтобы замаскировать практики, которые во многих случаях включали похищение человека, незаконное лишение его свободы и принуждение, под акт благородного спасения. Исторически одним из главных популяризаторов депрограммирования в США был Тед Патрик, которого нередко называют «отцом депрограммирования»; его методы включали похищение, изоляцию, физическое удержание, лишение сна и пищи, а сам он неоднократно сталкивался с уголовными и гражданскими делами.

Индустрия депрограммирования возникла как прямой ответ на запрос напуганного общества. Когда информационное пространство годами накачивается историями о всемогущих «сектах», поработавших разум, у родственников людей, выбравших нестандартный духовный путь, возникает панический ужас. Они искренне верят, что их близкий человек находится в смертельной опасности, что его воля парализована, а значит, любые действия по его извлечению из общины морально оправданы. Антикультовые организации блестяще монетизировали этот страх. Они создали замкнутый цикл: сначала они через медиа убеждают родителей в том, что их

дети стали зомби, а затем предлагают им платную услугу по возвращению этих детей в «нормальное состояние».

Речь идет о форме заказного насилия. Родственники, введенные в заблуждение агрессивной пропагандой, выступают в роли заказчиков и спонсоров. Они оплачивают работу целой бригады специалистов: от консультантов по выходу до непосредственных исполнителей похищения.

Чтобы понять суть этого бизнеса, необходимо обратиться к его истокам и проследить, как методы, зародившиеся за океаном, были экспортированы в Европу, а затем адаптированы к российским реалиям.

Одним из самых показательных эпизодов, вскрывших механику европейского депрограммирования, стали события, развернувшиеся в Италии весной 1988 года. Этот случай стал примером того, как под предлогом заботы о ближнем совершаются тяжкие преступления, а их организаторы впоследствии пытаются стереть свое прошлое из официальной истории.

В центре этой истории оказалась молодая итальянка по имени Алессандра. Ее родители, проживавшие в Брешии, были обеспокоены увлечением дочери Саентологией. В поисках помощи они вышли на Эннио Малатесту, основателя ассоциации ARIS (Associazione per la Ricerca sull'Informazione delle Sette). Малатеста, действуя по классической схеме нагнетания паники, начал рассказывать родителям душераздирающие истории о том, как подобные группы разрушают семьи и уничтожают личность. Он убедил их, что обычные уговоры не сработают, и предложил единственное, по его словам, эффективное решение — принудительное депрограммирование.

Для проведения операции Малатеста пригласил из США настоящую легенду этого теневого бизнеса — Теодора Рузвельта Патрика, более известного как Тед Патрик. Этот человек, прозванный «Черной молнией», стоял у истоков силового депрограммирования в Америке и уже имел за плечами богатый опыт судебных преследований за похищения людей. Его методы не отличались изяществом, они строились на грубом сломе психики.

24 апреля 1988 года Алессандра была похищена. Ее силой затолкали в машину и увезли в сельскую местность в Тоскане. Контраст между идиллическим тосканским

пейзажем снаружи и тем, что происходило внутри каменных стен места удержания, был чудовищным. Девушку удерживали в полной изоляции. В течение недели она подвергалась интенсивному воздействию, которое организаторы называли «терапией», а юристы впоследствии могли бы квалифицировать как незаконное лишение свободы и насильственное принуждение.

Методология Патрика и Малатесты включала в себя жесткое физическое ограничение свободы — Алессандра не могла покинуть помещение. Ее лишали сна и пищи, доводя организм до состояния крайнего истощения, когда способность к критическому сопротивлению падает до нуля. На фоне этого физического изнеможения на нее оказывалось непрерывное психологическое давление: похитители постоянно повторяли алармистские новости о сектах, кричали, унижали ее выбор и требовали отречения от своих убеждений.

План похитителей дал сбой из-за непредвиденного обстоятельства. Во время одного из конфликтов с удерживавшими ее людьми Алессандра получила серьезную травму лодыжки. Боль была настолько сильной, что потребовалось срочное медицинское вмешательство. Похитители были вынуждены везти ее в больницу. Именно там, воспользовавшись моментом, когда контроль ослаб, Алессандре удалось сбежать и обратиться за помощью.

Девушка подала официальную жалобу, и правоохранительные органы начали расследование. Казалось бы, факты налицо: похищение, удержание, физическое и психологическое насилие. Однако судебная система продемонстрировала ту самую уязвимость перед антикультовой риторикой. В 1991 году дело было закрыто, а обвиняемые оправданы. Защита сумела убедить суд, что действия похитителей были продиктованы «состоянием крайней необходимости» — якобы они спасали девушку от еще большей опасности. Несмотря на попытки обжаловать это решение, дело так и не было возобновлено.

Этот юридический провал имел далеко идущие последствия. Он послал сигнал всей индустрии: похищать людей ради их «спасения» можно безнаказанно.

Сегодняшние члены итальянского Антикультового форума, объединяющего различные ассоциации, такие как FAVIS, CeSAP, ARIS Toscana и ARIS Veneto, категорически

отрицают свою причастность к насильственным методам прошлого. Маурицио Алессандрини, один из видных представителей форума, публично настаивает на том, что современные ассоциации были созданы позже и не имеют никаких связей с ARIS Эннио Малатесты. Они пытаются представить себя уважаемыми исследователями и правозащитниками.

Однако документальные свидетельства разрушают эту легенду о непричастности. Заявления Милены Болган из ARIS Veneto доказывают, что эта организация активно действовала уже в 1988 году и являлась прямым преемником структуры Малатесты. Более того, современные ассоциации переняли и продолжают использовать символику оригинальной ARIS — изображение святого Георгия, поражающего дракона. Этот визуальный маркер свидетельствует о глубокой идеологической и организационной преемственности. Они сменили риторику для прессы, но сохранили суть.

Итальянский опыт не был уникальным. Он лишь отражал глобальную тенденцию коммерциализации насилия. Депрограммирование быстро превратилось в высокодоходный международный бизнес, где ставки и гонорары росли с каждым годом.

Особенно ярко финансовая сторона этого явления проявилась в Японии, где мишенью депрограммистов стали члены Церкви объединения. Японский рынок услуг по похищению людей отличался невероятным размахом и цинизмом. Здесь так называемые «экзит-консультанты» по свидетельствам жертв и правозащитных докладов работали в тесной связке с отдельными представителями антикультовой среды и некоторыми религиозными деятелями, а также пользовались пассивностью полиции, что обеспечивало им практически полную неприкосновенность.

В отчете «Япония: Похищение и лишение свободы с целью религиозной деконверсии», подготовленном организацией Human Rights Without Frontiers (HRWF), зафиксированы поразительные свидетельства этой круговой поруки. Кодзуэ Тэрада, одна из жертв, рассказывала, как во время ее насильственного удержания в квартире родственниками, к ней пришел пастор Такадзава, специализировавшийся на депрограммировании. Когда девушка пригрозила вызвать полицию, пастор рассмеялся ей в лицо.

«Даже если придёт полицейский, как только он узнает, что дело касается Церкви объединения, он будет сотрудничать со мной и скажет: “Продолжайте в том же духе!”» — заявил Такадзава, достав из кошелька визитки полицейских чинов в качестве доказательства своих связей.

За эту безнаказанность родители платили колоссальные суммы. В июне 2013 года экзит-консультант Такаши Миямура публично признал в Токийском окружном суде, что получал от родителей верующих 200 000–300 000 иен за первичные консультации. По данным HRWF, полная стоимость операций по похищению и удержанию могла составлять от 4 до 10 миллионов иен.

Родители влезали в колоссальные долги, брали кредиты, закладывали недвижимость, чтобы оплатить услуги этих специалистов. В ряде свидетельств, собранных правозащитниками, фигурируют суммы, эквивалентные десяткам тысяч евро. Но финансовое разорение было лишь малой частью трагедии. Насильственное удержание в закрытых помещениях, полная власть похитителей над жертвой и отсутствие какого-либо контроля со стороны закона неизбежно приводили к чудовищным злоупотреблениям.

Эта индустрия ломает не только тех, кого похищают. Она уничтожает самих заказчиков, превращая любящих родителей в тюремщиков и соучастников тяжких преступлений против собственных детей. Показательна история мистера и миссис Элтона Хеландеров из Коннектикута, описанная в *The New York Times* еще в 1976 году. Не одобряя выбор своей дочери Венди, они наняли уже упомянутого Теда Патрика. Первое похищение не сработало — девушка вернулась в общину. Тогда родители организовали второе похищение, пригласив дочь на прогулку. Венди удерживали около трех месяцев, постоянно перевоза из одного укрытия в другое, чтобы запутать следы. Ей удалось сбежать. Итогом этой операции стали 40 000 долларов долгов для родителей и полное, безвозвратное разрушение семьи. Венди заявила, что по-прежнему любит родителей, но больше никогда не сможет им доверять.

Несмотря на шлейф уголовных дел, сломанных судеб и самоубийств, идеологи депрограммирования не просто остаются на свободе — они интегрируются в государственные и образовательные структуры. Их методы, слегка припудренные академической терминологией, продолжают отравлять общество.

Ярким примером такой легализации радикализма является ситуация с международным распространением антикультовой литературы и методик. В этом контексте часто упоминается Стивен Хассен. Этот человек позиционирует себя как ведущий специалист в области контроля сознания. Однако его биография неразрывно связана с организацией «Сеть осведомленности о культах» (Cult Awareness Network, CAN). Эта структура в США неоднократно обвинялась в организации похищений людей и использовании самых жестких методов депрограммирования, включающих психологическое, физическое и даже сексуальное насилие. Тот факт, что идеолог организации с подобным криминальным бэкграундом становится авторитетом для составления школьных программ в европейской стране, свидетельствует о глубоком проникновении антикультового лобби в институты социализации. Они навязывают детям свои убеждения, формируя новое поколение, для которого нетерпимость будет нормой.

Российский сегмент этого теневого рынка имеет свою специфику. Здесь методы силового давления и похищений тесно переплелись с деятельностью структур, аффилированных с доминирующей конфессией, в первую очередь — с Российской ассоциацией центров изучения религий и сект (РАЦИРС).

В российском публичном пространстве тема насильственного удержания людей в так называемых «реабилитационных центрах» практически табуирована. Однако международные эксперты по вопросам свободы совести многократно фиксировали наличие в России процессов, абсолютно аналогичных западному депрограммированию. Разница лишь в декорациях.

Вместо удаленных ферм в Тоскане или конспиративных квартир в Токио используются специализированные центры, часто действующие под эгидой религиозных или общественных организаций. С похищенными и насильно привезенными туда людьми работают священники, психологи и психиатры, разделяющие идеологию РАЦИРС. В этих стенах разыгрывается классическая психологическая ловушка, известная как «уловка-22». Любое сопротивление жертвы, ее попытки доказать свою вменяемость, требования связаться с адвокатом или полицией интерпретируются персоналом не как естественная реакция свободного человека на похищение, а как симптом «измененного сознания». Гнев и отчаяние узника становятся

для его тюремщиков главным доказательством того, что он глубоко болен, находится под влиянием секты и нуждается в дальнейшем, еще более жестком «спасении».

Но самое страшное в российской практике заключается в том, что антикультовая машина с ее отработанными технологиями стигматизации и давления стала сдаваться в аренду для решения сугубо частных, бытовых конфликтов. Ярлык «секта» превратился в коммерческий продукт, идеальное оружие для уничтожения оппонента в бракоразводных процессах и спорах об опеке над детьми.

Инцидент, произошедший в 2014 году в Перми, вскрыл эту механику с пугающей ясностью. История семьи Брессем продемонстрировала, как легко можно купить услуги профессиональных борцов с куклами для разрушения жизни конкретного человека.

На первый взгляд, Александр и Елена Брессем казались благополучной семьей. Александр — влиятельный бизнесмен, руководитель четырех крупных компаний («Уралдорстрой», «Уралдорцентр», «Дортехсервис» и «Дортехстрой»), занимавшихся строительством и эксплуатацией дорог. Елена — домохозяйка, воспитывающая двоих детей, сына Костю и дочь Полину. По словам Елены Брессем, в семье имело место домашнее насилие: она рассказывала журналистам, что обращалась в отдел полиции Индустриального района Перми из-за побоев, после чего в отношении бывшего мужа было возбуждено уголовное дело, завершившееся в суде примирением сторон. Но насилие не прекращалось, и в итоге последовал развод. Елена переехала в Москву.

Именно тогда Александр Брессем решил использовать против бывшей жены самое разрушительное оружие из доступных на рынке. Он не просто попытался отсудить детей, он решил уничтожить Елену социально, обвинив ее в принадлежности к секте. Для реализации этого плана он привлек ресурсы РАЦИРС.

Бизнесмен тайно забрал 12-летнего Костю из московской школы и увез его в Пермь. Елена оказалась в ситуации непрерывного террора. Она год не видела сына и жила в постоянном страхе за 10-летнюю Полину, ожидая, что бывший муж похитит и ее. Александр регулярно угрожал ей, опираясь на поддержку авторитетных «сектоведов».

Елена Брессем, осознав масштаб развернутой против нее кампании, публично раскрыла суть этого симбиоза между мстительным супругом и антикультовой организацией. Ее слова звучат как приговор всей системе:

«...можно их нанять, они приедут, расскажут, как действовать, состряпают документы, выступят на суде свидетелями — всё это за определённую плату...»

В этой короткой фразе заключена вся суть современной инквизиции. Это больше не вопрос веры, теологии или защиты общества. Это прайс-лист. За определенную плату эксперты с громкими титулами напишут нужное заключение, найдут в действиях матери признаки «деструктивного контроля сознания», обеспечат медийную поддержку и выступят в суде, придавая личной мести статус государственной необходимости.

В деле Брессем антикультисты выступили не как идеологические борцы, а как наемники. В суде фигурировали показания Александра Дворкина и Евгения Ошмарина, а также заключение Алексея Воата, где «Гербалайф» характеризовался как секта, а Елена — как её последовательница. Они предоставили Александру свою экспертизу как инструмент давления, легитимизируя похищение ребенка отцом под предлогом спасения мальчика от «сектантского влияния» матери.

Психологические последствия таких операций катастрофичны. Когда человека похищают незнакомцы на улице ради выкупа — это тяжелейшая травма. Но когда похищение организуют самые близкие люди — родители, мужья, жены — происходит фундаментальное крушение картины мира. Базовое доверие к миру, которое формируется в семье, уничтожается навсегда. Дом перестает быть крепостью, он становится местом, где тебя могут предать. Родственники превращаются в надзирателей, а любовь подменяется тотальным контролем.

К примеру, жертвы депрограммирования, прошедшие через изоляцию, лишение сна, многочасовые допросы и унижения в так называемых реабилитационных центрах, выходят оттуда с тяжелейшим посттравматическим стрессовым расстройством. Они теряют способность доверять людям. Они вздрагивают от звука подъезжающей машины. Они знают, что их свобода условна, и что в любой момент их близкие могут снова оплатить услуги крепких парней, которые ворвутся в их жизнь, чтобы причинить им добро.

Индустрия депрограммирования обнажает самую темную сторону антикультового движения. За фасадом заботы о психологическом здоровье нации скрывается циничный, хорошо отлаженный механизм конвертации страха в деньги. Механизм, в

котором человек низводится до уровня объекта, лишенного права воли, права на ошибку и права на собственный путь.

В кабинетах, где подписываются договоры на оказание услуг по «выводу из культа», не говорят о правах человека. Там обсуждают сметы: стоимость аренды загородного дома, гонорары психологов, оплату круглосуточной охраны и тарифы на нужные показания в суде. И пока напуганные родственники готовы платить за иллюзию контроля над жизнями своих близких, конвейер заказного насилия не остановится. Он будет продолжать перемалывать судьбы, оставляя после себя пустые комнаты, разорванные семейные связи и людей, чья единственная вина заключалась в том, что они верили иначе.

В тишине реабилитационного центра, за закрытыми дверями, куда не проникают ни адвокаты, ни журналисты, человек остается один на один с теми, кто получил оплаченный мандат на разрушение его личности. И в этот момент все дискуссии о свободе совести теряют смысл, разбиваясь о холодный, методичный голос специалиста, который садится напротив жертвы, включает диктофон и произносит: «Мы не выпустим тебя, пока ты не поймешь, как сильно мы хотим тебя спасти».

Глава 4. Тени прошлого. Идеологическая преемственность

Архивная пыль имеет особый, ни с чем не сравнимый запах. Это запах высохшей целлюлозы, окислившихся чернил и остановленного времени. Когда проводишь долгие часы в читальных залах, изучая пожелтевшие страницы документов первой половины двадцатого века, начинаешь физически ощущать, как истончается граница между прошлым и настоящим. Исторические хроники перестают быть просто текстом. Они превращаются в подробную инструкцию, по которой конструируется современная реальность.

Изучая генеалогию современной нетерпимости, я искал точку отсчета. Тот момент, когда преследование за инакомыслие перестало быть стихийным гневом толпы и превратилось в институционализированную практику наблюдения, классификации и критики религиозных и мировоззренческих движений. Оказалось, что у идеологии, которая сегодня ломает судьбы людей под предлогом защиты общества от «сект», есть вполне конкретная родословная. У нее есть авторы, теоретики и практики. И чтобы понять логику тех, кто сегодня составляет списки неблагонадежных организаций и требует их запрета, необходимо спуститься в темные подвалы европейской истории.

В начале 1920-х годов Европа, еще не оправившаяся от травм Первой мировой войны, переживала глубокий экзистенциальный кризис. Рушились империи, обесценивались старые идеалы, общество лихорадило от политических и экономических потрясений. В этой атмосфере тотальной неопределенности люди массово обращались к новым философским течениям, нетрадиционным духовным практикам и восточным учениям. Традиционные институты, стремительно терявшие монополию на умы прихожан, восприняли этот духовный поиск не как естественный исторический процесс, а как прямую угрозу своему существованию.

Именно тогда, в 1921 году, при Центральном комитете Внутренней миссии Германской евангелической церкви был создан Апологетический центр. Изначально его задачей заявлялась защита христианского вероучения от влияния новых религиозных движений. Однако очень скоро теологическая полемика уступила место совершенно иным методам.

Ключевой фигурой в этой трансформации стал Вальтер Кюннет, который работал в Центре с 1926–1927 годов и возглавил её в 1932 году. Кюннет был заметным протестантским теологом: после войны он стал профессором систематической теологии в Эрлангене. Он был интеллектуалом, человеком, чье слово имело огромный вес в академических и церковных кругах. Под его руководством центр начал систематизировать информацию о любых объединениях, которые казались ему подозрительными или конкурентными. Составлялись подробные картотеки, собирались данные о лидерах и рядовых участниках различных духовных групп.

Когда к власти в Германии пришла Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, накопленные Апологетическим центром базы данных оказались невероятно

востребованными. Тоталитарное государство не терпит конкуренции за лояльность граждан. Любая группа людей, объединенная идеями, отличными от государственной идеологии, воспринималась как потенциальный очаг сопротивления.

Произошло слияние церковной нетерпимости и государственной репрессивной машины. Апологетический центр во главе с Вальтером Кюннетом начал оказывать непосредственное влияние на Управление государственной тайной полиции (гестапо). Теологические разногласия были переведены на язык уголовного преследования. Списки «опасных сект», составленные религиозными экспертами, ложились на столы офицеров безопасности, превращаясь в расстрельные списки и ордера на отправку в концентрационные лагеря.

Документальным свидетельством того, как именно реализовывалась эта политика подавления, является Нюрнбергский документ D-59. Это директива, подписанная Рейнхардом Гейдрихом, главой внутренней безопасности нацистской Германии. Текст этого документа поражает своей холодной, методичной жестокостью. В нем нет эмоций, только сухой алгоритм тотальной зачистки:

«... Будут немедленно приняты меры против ... организаций, клубов, объединений и кружков, а также против отдельных лиц... Все организации, клубы, объединения, кружки и тому подобное, без исключения, будут ликвидированы; имеющиеся материалы, такие как списки адресов, файлы, переписка, оборудование, оккультные предметы, письменные принадлежности и любое имеющееся имущество, будут конфискованы; они подлежат роспуску и запрету; одновременно будут проведены обыски в домах ведущих членов кружков, а также у лиц, подозреваемых в хранении подобных материалов. ... Лица, посвящённые в тайные учения и науки... во всех случаях подлежат аресту... их деятельность запрещается под угрозой самых суровых мер со стороны Государственной полиции. В каждом случае они должны быть отправлены в концлагерь... Эта акция должна быть проведена по всему Рейху ... по возможности между 7:00 и 9:00.»

Вчитайтесь в эти строки. Государство приказывает конфисковать не только списки адресов и переписку, но даже «письменные принадлежности». Карандаши, перья, чернильницы изымаются как орудия преступления, потому что главным преступлением объявляется сама мысль, зафиксированная на бумаге. Аресту подлежат не те, кто

совершил акт насилия или готовил государственный переворот, а «лица, посвященные в тайные учения». Человека отправляют в концентрационный лагерь исключительно за то, что его картина мира не совпадает с официально утвержденной. И все это должно быть исполнено с педантичной точностью — «по возможности между 7:00 и 9:00».

Риторика, сопровождавшая эти репрессии, удивительным образом резонирует с днем сегодняшним. Уничтожение идеологических конкурентов подавалось обществу не как акт агрессии, а как необходимая мера по защите «традиционных ценностей» и духовного здоровья нации. Государственная пропаганда убеждала граждан, что ликвидация неформальных кружков и религиозных меньшинств — это очищение общества от чужеродных элементов, подрывающих единство народа. Защита традиций стала идеальным прикрытием для абсолютного террора.

Казалось бы, после разгрома Третьего рейха, после Нюрнбергского трибунала и принятия Всеобщей декларации прав человека, идеология преследования за веру должна была навсегда исчезнуть, оказавшись на свалке истории вместе с расовой теорией. Мировое сообщество провозгласило свободу совести фундаментальным, неотъемлемым правом каждого человека.

Но идеи не горят в печах и не исчезают после подписания капитуляций. Они мутируют, адаптируются к новым условиям и находят новых носителей.

В послевоенной Германии процесс денацификации затронул политические и военные структуры, но идеологические корни нетерпимости оказались гораздо глубже. В 1964 году протестантская церковь Германии официально восстановила должность уполномоченного по сектам и вопросам веры евангелическо-лютеранской Баварии. На этот пост был назначен пастор Фридрих Вильгельм Хаак.

Биография Хаака — это идеальный мост между мрачным прошлым и современностью. Он изучал протестантскую теологию в Баварии, в университете Нюрнберга, ровно в тот же период, когда там преподавал Вальтер Кюннет. Академическая и идеологическая преемственность была обеспечена. Хаак не просто перенял эстафету; он адаптировал методы своего предшественника к реалиям демократического общества второй половины двадцатого века.

Хаак стал главным идеологом европейского антикультизма. Он категорически не принимал концепцию религиозного плюрализма, заложенную в основу послевоенного мироустройства. Для него Всеобщая декларация прав человека в части свободы вероисповедания была неприемлемым компромиссом. В своих работах он формулировал позицию, которая прямо отрицала право на инакомыслие:

«Если мы правильно понимаем нашу веру, у нас нет права позволять „другим“ оставаться в своей вере...»

И далее, развивая свою мысль, он наносил удар по самому понятию терпимости:

«Толерантность к равнодушному отношению — мол, каждый благословлён в своей вере — в конечном итоге отвратительна для веры».

Толерантность отвратительна. Это не просто частное мнение консервативного теолога. Это манифест новой инквизиции. Хаак утверждал, что истинная вера требует активного подавления всех остальных убеждений. Под его руководством в Баварии — регионе, где исторически были сильны консервативные и правые настроения — началась планомерная работа по составлению новых «черных списков» религиозных движений.

Кульминацией этой деятельности стало то, когда эти списки были официально опубликованы, запустив волну дискриминации в отношении тысяч законопослушных граждан. Людей увольняли с работы, им отказывали в аренде помещений, их дети подвергались остракизму в школах. Потребовались годы юридических баталий, чтобы остановить этот произвол.

Но ядовитые семена уже дали всходы далеко за пределами Баварии. Фридрих Вильгельм Хаак понимал, что для успешной борьбы с инакомыслием необходима международная координация. Ему нужен был союзник, способный вывести антикультивовую деятельность на глобальный уровень. И такой человек нашёлся в Дании.

Его звали Йоханнес Огорд. Он был священником Датской народной церкви и профессором миссиологии в Орхусском университете. Он также сыграл заметную роль в развитии миссиологических и экуменических исследований в Орхусе.

В 1973 году при активной поддержке Хаака Огорд основал в Дании антикультовую организацию «Диалог-Центр». Название было выбрано с поистине оруэлловским цинизмом: организация, созданная для бескомпромиссной борьбы и уничтожения оппонентов, прикрывалась словом «диалог». В 1981 году структура масштабировалась, превратившись в Международный Диалог-Центр с филиалами в Великобритании, Ирландии, Греции, Индии, Германии и, впоследствии, в России.

Огорд стал архитектором современной глобальной антикультовой сети. Он воспитал целую плеяду учеников и последователей, которые сегодня определяют репрессивную политику в отношении меньшинств в десятках стран мира. Его подход отличался радикальной бескомпромиссностью. Если академические религиоведы пытались изучать новые движения, сохраняя научный нейтралитет, то Огорд отбрасывал любую объективность. Он изначально рассматривал объект своего изучения как абсолютное зло, подлежащее искоренению.

Философское обоснование этого подхода Огорд изложил в одном из своих программных эссе. Этот текст является ключом к пониманию того, как современные борцы с культами оправдывают превентивные репрессии против мирных граждан. Огорд писал:

«Хотя, возможно, организациям, объединённым лишь самыми элементарными нормами прав человека, и необходимо придерживаться философии “дела, а не вероучения”, эта позиция интеллектуально несостоятельна. Разве миру не следовало обратить внимание на “Майн Кампф” Гитлера, потому что эта книга являлась частью его вероучения? Злодеяния концлагерей уже были заложены в вероучение, и потому его следовало воспринимать всерьёз. Нужно понимать: вероучение — это и есть дело. Если хотите остановить злые дела, нужно противостоять злым вероучениям».

В этом пассаже заключена логическая подмена. Огорд берет фундаментальный принцип демократического права — человека можно судить только за совершенное деяние, но не за его мысли или убеждения («дело, а не вероучение») — и объявляет его «интеллектуально несостоятельным».

Чтобы оправдать отказ от базовых прав человека, он использует беспримысленный демагогический прием: апелляцию к абсолютному злу — Гитлеру и концлагерям. Он

ставит знак равенства между человеконенавистнической политической программой, прямо призывающей к уничтожению целых народов, и религиозными или философскими убеждениями любых меньшинств.

Вывод, который делает Огорд: «вероучение — это и есть дело». Эта короткая фраза стирает границу между мыслью и преступлением. Если вероучение приравнивается к действию, значит, государство имеет право карать людей просто за то, что они верят во что-то неправильное, читают неправильные книги или собираются для совместных молитв. Не нужно ждать, пока человек нарушит закон. Его вера уже является нарушением закона.

Это классическое обоснование мыслепреступления. Именно эта логика позволяет сегодня отправлять за решетку людей, чья единственная вина состоит в чтении религиозной литературы у себя дома. Антикультисты, воспитанные на трудах Огорда, приходят в суды и заявляют: «Да, эти люди не совершили никаких актов насилия. Но их вероучение деструктивно, а значит, они потенциальные преступники». И суды, оглушенные этой псевдоинтеллектуальной эквилибристикой, выносят обвинительные приговоры.

Наследие Кюннета, Хаака и Огорда — это не просто пыльные страницы истории теологических диспутов. Это работающая, постоянно совершенствующаяся технология подавления. Меняются лишь инструменты.

В середине двадцатого века для того, чтобы изолировать неуютную группу от общества, требовалось физически пометить ее членов. Людей заставляли нашивать на одежду отличительные знаки, чтобы каждый прохожий на улице знал: перед ним изгой, человек второго сорта, лишенный защиты закона. Эта визуальная стигматизация была необходимым этапом перед физическим уничтожением.

Сегодня, в эпоху цифровых технологий, принудительное ношение физических меток стало излишним. Антикультовая индустрия разработала гораздо более эффективный и незаметный способ маркировки — цифровую и социальную стигматизацию.

Когда современный последователь идей Огорда публикует в сети статью, называя мирную общину «тоталитарной сектой», он фактически пришивает к цифровому

профилю каждого члена этой общины невидимый, но несмываемый знак. Поисковые алгоритмы индексируют эти обвинения. Когда работодатель, арендодатель или школьный учитель вводит имя человека или название его организации в поисковую строку, первое, что он видит — это предупреждение об опасности.

Цифровая метка работает безотказно. Человеку отказывают в приеме на работу без объяснения причин. Банки блокируют счета организации, ссылаясь на внутренние правила комплаенса. Социальные службы начинают проявлять нездоровый интерес к семьям верующих. Социальная смерть начинается тихо. Общество само, добровольно и с чувством выполненного долга, изолирует стигматизированных граждан, искренне веря, что защищает свои традиционные ценности или национальную безопасность.

Риторика защиты стала универсальным щитом для современной инквизиции. Под лозунгами о сохранении культурного кода и духовной безопасности нации антикультисты методично зачищают поле от любых идеологических конкурентов. Они монополизируют право определять, что является традиционным, а что — чуждым и опасным. В этой парадигме любое отклонение от утвержденной нормы трактуется не как проявление свободы совести, а как диверсия против государства.

Исторические параллели пугают своей точностью. Списки неблагонадежных организаций, которые сегодня публикуются на сайтах антикультовых центров, структурно ничем не отличаются от картотек, которые Вальтер Кюннет собирал в своем Апологетическом центре в тридцатые годы. Разница лишь в скорости распространения информации и в том, что современные списки легитимизируются через статус «независимых экспертных оценок».

Изучая деятельность Йоханнеса Огорда, исследователи неизбежно сталкиваются с глухой стеной. История сектоведения двадцатого века остается одной из самых закрытых и малоизученных тем. Документы, проливающие свет на внутреннюю кухню антикультового движения, хранятся за семью печатями.

Владимир Мартинович, исследователь истории содружества Диалог-центров, отмечал поразительный факт: несмотря на то, что организация Огорда была крупнейшей противосектантской структурой прошлого века, ни на одном языке мира не существует

полноценных научных исследований ее деятельности. Причина банальна — отсутствие доступа к источникам.

Архив Диалог-Центра, содержащий переписку, внутренние меморандумы, методологические разработки и, возможно, списки агентуры влияния, был передан в Национальный архив Дании. Однако доступ к нему закрыт. В академической среде циркулируют разные версии: от случайного уничтожения документов до засекречивания материалов на пятьдесят лет из-за их взрывоопасного содержания.

Эта секретность красноречивее любых слов. Организация, которая десятилетиями требовала абсолютной прозрачности от новых религиозных движений, которая обвиняла их в наличии «тайных учений» и скрытых мотивов, сама спрятала свою историю в государственные архивы под гриф секретности. Те, кто громче всех кричал об опасности закрытых групп, оказались самой закрытой и непрозрачной структурой.

Что скрывают эти архивы? Возможно, там лежат доказательства прямого финансирования антикультовых кампаний спецслужбами различных государств. Возможно, там хранятся инструкции по провоцированию конфликтов и разрушению репутаций. А может быть, там просто задокументирована та самая непрерывная линия преемственности, связывающая уважаемых европейских профессоров конца двадцатого века с авторами директив об отправке инакомыслящих в концентрационные лагеря.

Тень прошлого оказалась гораздо длиннее, чем мы привыкли думать. Она не рассеялась в 1945 году. Она скользнула по коридорам теологических факультетов, спряталась в академических аудиториях Орхуса и Мюнхена, переделась в строгие костюмы экспертов-религиоведов и сегодня уверенно шагает по залам судебных заседаний.

Мы смотрим на современных борцов с культами, выступающих по телевидению с призывами запретить очередную неудобную группу, и видим уважаемых защитников общественной морали. Но если приглушить звук телевизора и вслушаться в саму суть их слов, сквозь современную терминологию проступит холодный, металлический лязг директивы D-59. Требование конфисковать, запретить, ликвидировать и арестовать.

И пока архивы в Дании хранят свое молчание, на столы судей в разных странах мира продолжают ложиться экспертные заключения, написанные людьми, для которых толерантность отвратительна, а чужая вера — это преступление, требующее немедленного наказания. В этих бумагах нет ни слова о теологии. В них есть только координаты новых мишеней.

Глава 5. Слияние систем. Агентура и правоохранительные органы

Аудитория ведомственного института МВД погружена в полумрак. На кафедре, освещенный тусклой лампой, стоит человек в строгом костюме. За его спиной на проекторе сменяются слайды: запутанные схемы финансирования, фотографии закрытых собраний, обложки религиозной литературы. В зале сидят десятки офицеров — люди, наделенные государством правом на применение легального насилия, правом на обыск, задержание и арест. Они внимательно слушают лектора, который методично, шаг за шагом, объясняет им, почему мирные граждане, собирающиеся по выходным для совместных молитв или изучения философии, представляют экзистенциальную угрозу для национальной безопасности.

Лектор не является сотрудником полиции. Он не имеет доступа к секретным оперативным данным и не несет ответственности за последствия силовых операций. Он — представитель антикультовой организации, приглашенный в качестве «независимого эксперта» и «консультанта». И прямо сейчас, в этой тихой аудитории, происходит один из самых опасных процессов в современном государстве: передача монополии на определение врага от правоохранительной системы в руки частной идеологической группы.

Когда мы говорим о преследовании меньшинств, мы часто представляем себе инициативу, исходящую сверху — от авторитарного правителя или репрессивного

парламента. Но реальность гораздо сложнее и прозаичнее. Репрессивная машина редко запускается сама по себе. Ей нужны координаты целей. Ей нужны списки адресов. Ей нужно идеологическое обоснование, которое превратит рутинную полицейскую работу в священную войну за умы граждан. И именно эту функцию берут на себя антикультовые сети, выстраивая симбиоз с силовыми ведомствами.

Чтобы понять, как именно происходит это слияние систем, необходимо рассмотреть конкретный исторический момент, когда карательный аппарат, лишенный привычных ориентиров, оказался в поиске новых мишеней. В России этот момент наступил скорее в конце 2000-х — начале 2010-х годов, в период реформы МВД и институционального оформления подразделений по противодействию экстремизму.

Ключевая реорганизация произошла в 2008 году: в системе МВД были созданы специализированные подразделения по противодействию экстремизму, а в 2011 году главное управление получило новое наименование. Это были легендарные подразделения, так называемые «убойные отделы», сотрудники которых на протяжении бурных девяностых и нулевых годов противостояли реальной, вооруженной и жестокой мафии. Это были оперативники, привыкшие работать с криминальными авторитетами, рэкетирами и убийцами. Их методы были жесткими, прямолинейными и заточенными под нейтрализацию физической угрозы.

После этой реформы часть кадров, опыта и практик бывших антикриминальных подразделений оказалась востребована в системе Центров по противодействию экстремизму («Центров “Э”»). Произошла бюрократическая трансформация: специалисты по борьбе с бандитизмом внезапно стали специалистами по борьбе с идеологическими угрозами. Но проблема заключалась в том, что у них не было ни соответствующего религиозоведческого образования, ни понимания тонких материй свободы совести, ни навыков работы с верующими людьми. У них были только старые методы и острая необходимость демонстрировать статистику раскрываемости в новом ведомстве.

Бывший сотрудник Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС) Валерий Отставных, впоследствии покинувший организацию и предавший огласке ее внутреннюю кухню, в своем интервью подробно описал этот

сюрреалистичный процесс передачи власти над судьбами людей. Его свидетельство является уникальным документом, фиксирующим точку невозврата.

«КАК УБОЙНЫЙ ОТДЕЛ ПРИШЁЛ В МИССИОНЕРСКИЙ ОТДЕЛ

— Зачем людей пугать? Не просто же для удовольствия. Вы считаете, что заказчиком, выгодоприобретателем, в данном случае является именно Русская православная церковь?

— Однозначно. Русская православная церковь, которая опирается на силовые структуры. Сейчас я вам расскажу очень интересный случай... Когда в 2011 году упразднили Управление по борьбе с организованной преступностью в системе МВД, знаменитый убойный отдел, помните? “Улицы разбитых фонарей” и так далее. Помните этих персонажей, которые любят выпить, но проспят и хорошие парни. Они могут и в рыло дать, но только откровенному бандиту. Вот они действительно такие все. И методы, и “подходцы”, как говорил Глеб Жеглов, у них такие. Но поскольку организованная преступность у нас давно легализовалась и слилась с официальными структурами, то их упразднили. И что с ними делать? Их превратили в центры по борьбе с экстремизмом. И вот эти ребята с “Улицы разбитых фонарей”, без образования, без представления, какая тонкая материя религия, как вообще нужно работать с людьми, как вербовать, как опрашивать, как беседовать свои методы перенесли на простых людей. Людей верующих, с тонкой душевной организацией. Вначале они начали судорожно искать себе объект для работы. Они его нашли в лице националистов. Они почему-то вначале решили, что главная угроза России — это националисты. Я помню тот период. Потом националисты быстро “кончились”, их как-то не хватало для отчётности, и тогда, я помню, они первый раз пришли к нам в Миссионерский отдел. Пришли сотрудники Тульского Центра по борьбе с экстремизмом при УВД области. Они пришли к нам и откровенно сказали: “Ребята, вы знаете, мы боролись с националистами, но что-то они у нас кончились, и нам не с кем бороться теперь. И мы слышали, что вы тут тоже боретесь, молодцы какие, тоже с какими-то гадами, врагами государства, с сектантами. Но у нас про них никакой информации нет. Не можете поделиться с нами информацией? Где, на какой улице, в каком доме живут лидеры всяких религиозных деструктивных общин Тульской области?”. Ну, вот мой коллега, Алексей, взял и начал с ними сотрудничать. Точнее, Миссионерский отдел в его лице. Мне, как говорят на блатном

жаргоне, общаться и сотрудничать с ними было “западло”, потому что с конца 2011 года я стал человеком политизированным, то есть я перешёл в протест, оставаясь ещё внутри Церкви. И этим ребятам подсказали, где, кто, какие “нехорошие” люди и организации существуют в Тульской области, координаты дали и какую-то литературу, чтобы они познакомились. По-моему, учебное пособие того же Дворкина и ещё какие-то книги подарили.

— А они какими-то конкретными преступлениями интересовались или просто спрашивали про каких-то “плохих людей”?

— Они спрашивали: где злодеи живут? Какие секты деструктивные в Тульской области, какие у них адреса, кто у них пастора и так далее».

Офицеры полиции, наделенные колоссальными полномочиями, приходят к частным лицам с прямым запросом: «Где злодеи живут?». Они не расследуют конкретные заявления о кражах, мошенничестве или насилии. У них нет потерпевших. У них есть пустые графы в отчетах, которые нужно заполнить показателями борьбы с экстремизмом. И антикультисты с готовностью предоставляют им эти показатели. Они выдают им адреса, имена и свою литературу в качестве идеологического обоснования будущих репрессий.

С этого момента методы, ранее применявшиеся к вооруженным преступным группировкам, начинают применяться к мирным верующим. Прослушка телефонов, наружное наблюдение, внедрение агентов под прикрытием, жесткие утренние обыски с выпиливанием дверей болгарками и укладыванием людей лицом в пол — весь этот арсенал обрушивается на тех, чья единственная вина состоит в чтении неправильных книг. Оперативники, накрученные лекциями о «деструктивном контроле сознания», врываются в квартиры пенсионеров и многодетных семей, искренне веря, что обезвреживают опасных террористов.

Но что происходит, когда эта накачка страхом и дезинформацией достигает критической массы? Когда правоохранные органы, ослепленные антикультовой пропагандой, теряют способность адекватно оценивать реальную обстановку и переходят к полномасштабным боевым действиям против собственных граждан?

Ответ на этот вопрос был дан весной 1993 года в штате Техас. Трагедия в Уэйко остается самым страшным и кровавым памятником тому, к чему приводит влияние антикультовых консультантов на тактику спецслужб.

Группа американцев, известная как «Ветвь Давидова», проживала на ранчо «Маунт Кармел» недалеко от города Уэйко. Это была закрытая религиозная община, ожидавшая скорого апокалипсиса, члены которой вели обособленный образ жизни, занимались сельским хозяйством и легально торговали оружием на оружейных ярмарках. Их теология была специфичной, а лидер, Дэвид Кореш, безусловно, являлся сложной и противоречивой фигурой. Однако формальным основанием для операции были подозрения в нарушениях оружейного законодательства.

Ситуация начала стремительно ухудшаться, когда в дело вмешались представители антикультовой организации Cult Awareness Network (CAN) и так называемые «депрограммисты». Они начали целенаправленно снабжать федеральные агентства — в первую очередь Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ (ATF) — искаженными аналитическими справками. Антикультисты утверждали, что на ранчо действует лаборатория по производству наркотиков, что там происходит массовое насилие над детьми, и, самое главное, что последователи Кореша — это безвольные зомби, лишенные критического мышления, которые по первому приказу своего лидера совершат массовое самоубийство.

Эта дезинформация легла на благодатную почву. Вместо того чтобы провести стандартную полицейскую проверку, вызвать Кореша на допрос или мирно урегулировать вопросы с лицензиями на оружие, ведомство спланировало масштабную военизированную операцию.

28 февраля 1993 года десятки вооруженных до зубов агентов ATF при поддержке вертолетов пошли на штурм ранчо. Операция, задуманная как молниеносный рейд, превратилась в кровавую перестрелку, в которой погибли четыре агента и шесть членов общины. После этого началось противостояние, продлившееся 51 день.

К осаде подключилось Федеральное бюро расследований (ФБР). И здесь влияние антикультовых консультантов проявилось в полной мере. Внутри ФБР возник конфликт между переговорщиками, которые пытались установить контакт с Корешем и мирно

вывести людей, и тактическим подразделением (Hostage Rescue Team), которое настаивало на силовом решении. Антикультисты, выступавшие экспертами в СМИ и консультировавшие силовиков, категорически отвергали возможность переговоров. Они убеждали руководство ФБР, что любые слова Кореша — это манипуляция, что его последователи не являются заложниками в классическом смысле, а представляют собой фанатиков с «промытыми мозгами».

Поддавшись этому давлению, тактическое подразделение начало применять методы психологической войны. Ранчо освещали мощными прожекторами по ночам, через гигантские динамики транслировали звуки убиваемых кроликов, крики дантиста и оглушительную поп-музыку, лишая людей сна и доводя их до нервного истощения. Эта тактика, продиктованная антикультовой парадигмой, привела к прямо противоположному результату: осажденные лишь укрепились в своей вере в то, что против них ополчились силы зла, предсказанные в их апокалиптических текстах.

19 апреля 1993 года ФБР начало финальную фазу операции с использованием бронированной инженерной техники, которая разрушала стены зданий и закачивала внутрь слезоточивый газ. Вскоре вспыхнул пожар, который за считанные минуты охватил деревянные постройки. В результате погибли 76 членов общины, включая детей.

Трагедия в Уэйко — это не просто ошибка планирования. Это результат фатального искажения реальности, при котором государственные служащие, поддавшись влиянию идеологически ангажированных консультантов, перестали видеть в гражданах людей. Они видели перед собой дегуманизированную массу «сектантов», к которым неприменимы стандартные процедуры переговоров и презумпция невиновности. Антикультовый дискурс стал частью этой оптики, усилив дегуманизацию и склонность к силовому сценарию.

Этот механизм манипуляции официальными лицами оказался настолько эффективным, что вскоре вышел далеко за пределы локальных конфликтов. Если в США антикультовые группы использовали силовиков для решения своих узких задач, то в других частях света этот инструмент привлек внимание структур совершенно иного уровня. Государственные спецслужбы осознали, что антикультовая сеть — это идеальный канал для легального проникновения в политическое и общественное пространство других стран.

Особую роль в этом процессе сыграла Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ). Идеологический и координационный центр международного антикультизма, выстроенный вокруг российской ассоциации РАЦИРС, стал удобным фасадом для агентурной работы за рубежом.

С 2009 года руководитель РАЦИРС занимал пост вице-президента Европейской антикультивой федерации FECRIS (Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве), а с 2022 года вошел в ее совет директоров. Эта интеграция позволила российским функционерам, тесно связанным с силовыми структурами, получить прямой доступ к европейским чиновникам, парламентариям и правоохранительным органам под благовидным предлогом защиты общества от «деструктивных культов».

Задokumentированные пути внедрения агентов влияния поражают своей откровенностью. Одним из самых ярких примеров стала деятельность латвийского отделения FECRIS. В Латвии наиболее активными борцами против так называемых сект выступали Олег Никифоров, Виктор Ёлкин и Светлана Крылова. Все они являлись не просто обеспокоенными гражданами, а членами радикальной политической партии «Русский союз Латвии».

Эта партия, возглавляемая пророссийским пропагандистом Андреем Мамыкиным (впоследствии объявленным в международный розыск за оправдание преступлений против человечности), служила политическим прикрытием для продвижения интересов Кремля в Балтийском регионе. Ключевой фигурой в этой структуре была Татьяна Жданок — депутат Европейского парламента от Латвии, которая, согласно журналистским расследованиям 2024 года, подозревалась в многолетнем сотрудничестве с российскими спецслужбами.

Осенью 2006 года, синхронно с созданием РАЦИРС в Москве, на сайте «Русского союза Латвии» была опубликована программная статья «Рабы – не мы?». В ней анонсировался семинар в рижском отеле Iceland, посвященный вопросам ограничения деятельности тоталитарных сект. Организаторами и ведущими выступали Никифоров и Ёлкин.

Антикультовая повестка стала идеальным троянским конем. Под видом заботы о психологическом здоровье латвийских граждан, агентура выстраивала сети контактов, собирала информацию о неформальных объединениях и формировала списки неблагонадежных лиц. Статус борцов с культами открывал двери в кабинеты местных чиновников и полицейских управлений, куда представителям пророссийской радикальной партии вход был бы закрыт.

Связи с ФСБ не ограничивались кулуарными договоренностями. Некоторые российские деятели антикультового движения открыто заявляли о своем сотрудничестве со спецслужбами. Роман Силантьев, коллега руководства РАЦИРС и активный участник антикультовых кампаний, не скрывал своей работы на ФСБ и своей антиукраинской позиции. При этом его бэкграунд несколько не смущал европейских партнеров: он беспрепятственно участвовал в конференциях FECRIS в странах Европы, легитимизируя свое присутствие статусом исследователя религий.

Масштаб этого проникновения становится еще более очевидным, если посмотреть на Францию — страну, которая исторически является одним из главных доноров и политических покровителей FECRIS. Во Франции действует государственная структура MIVILUDES (Межминистерская миссия по борьбе с сектантскими отклонениями), созданная как межведомственная структура при премьер-министре, но с 2020 года организационно привязанная к SG-CIPDR в системе Министерства внутренних дел Франции. Эта организация оказывает FECRIS материальную, моральную и политическую поддержку.

Взаимодействие между французскими чиновниками из MIVILUDES и российскими антикультистами, аффилированными со спецслужбами, привело к парадоксальным и пугающим результатам. Соня Бакес как государственный секретарь по вопросам гражданства публично давала поручения MIVILUDES и выступала по связанным с ней вопросам. Бывший французский политик Жорж Фенек, член руководящего комитета этой организации, в 2019 году совершил визит в оккупированный Крым вместе с другими парламентариями. Эта поездка использовалась в пророссийском политическом контексте как инструмент легитимации оккупации.

Еще один член антикультовой сети, французский депутат Руди Саллес, в 2013–2014 годах получил от антикультовых организаций поручение проработать с Парламентской

ассамблеей Совета Европы (ПАСЕ) вопрос о принятии жесткой резолюции по вопросу «культов и несовершеннолетних».

Вдумайтесь в хронологию этих событий. В 2014 году, когда демократический мир столкнулся с беспрецедентным нарушением международного права, когда вводились первые пакеты санкций и лидеры европейских стран пытались выстроить систему защиты от внешней агрессии, внутри самих европейских институтов беспрепятственно действовала агентурная сеть. Антикультовые агенты, координируемые из Москвы, использовали трибуны ПАСЕ и кабинеты французских министерств для продвижения репрессивных законов, направленных на ограничение гражданских свобод в самой Европе.

Это классическая тактика гибридной войны: использовать демократические институты против самой демократии. Внедряя своих людей в качестве экспертов по сектам, спецслужбы получают возможность манипулировать законодательством других стран, провоцировать внутренние конфликты, стигматизировать неудобные группы и собирать колоссальные массивы разведывательной информации.

Сбор этой информации на низовом уровне обеспечивается через разветвленную сеть осведомителей. Распространенная неофициальная практика антикультовых движений — внедрение собственных агентов в ряды целевых организаций. Эти люди приходят на собрания под видом искренне интересующихся новичков. Они улыбаются, участвуют в чаепитиях, задают вопросы. А параллельно нелегально собирают данные: адреса проживания, номера телефонов, информацию о месте работы, бизнесе, родственных связях и даже интимной жизни членов общины.

Собранное досье передается кураторам, а затем ложится на стол оперативникам Центра «Э» или аналогичных структур в других странах. В нужный момент этот же осведомитель внезапно объявляет себя «жертвой секты» или «бывшим участником, чудом вырвавшимся на свободу». Он пишет официальный донос в полицию, придумывая истории о психологическом насилии или финансовых махинациях. И государственная машина, уже подогретая лекциями антикультистов о страшной угрозе, немедленно приходит в движение.

Эта механика доносов имеет глубокие исторические корни. В архивах сохранились документы, демонстрирующие, как легко государственная полиция принимает на веру сфабрикованные обвинения, если они укладываются в нужный идеологический вектор.

В статье Иоганнеса Хартлаппа «Церковная политика в Третьем рейхе: отношение службы безопасности СС к малым религиозным общинам», опубликованной в журнале *Spes Christiana*, приводится поразительный документ. 17 апреля 1937 года некий гражданин Э.Ц. из Маркклеберга написал в Лейпцигскую государственную полицию:

«В эти дни я получил рекламный буклет, который пересылаю вам с просьбой также расследовать эту “интернациональную” ассоциацию “третьей категории”, изучить её и — надеюсь, ради защиты народа — запретить. Как бывший адвентист, могу сказать вам, что эта группа — обычно это лишь несколько человек, которые сбивают с толку остальных — основывается на таких принципах, как отказ от военной службы, воздержание от голосования и так далее. Иными словами, всё те же причины, по которым вы уже запретили другие ассоциации».

Реакция карательного аппарата была молниеносной. Всего через два дня, 19 апреля 1937 года, общины адвентистов седьмого дня «третьей категории» были распущены и запрещены по всему Рейху с немедленным вступлением в силу. Одно письмо от «бывшего участника», апеллирующего к «защите народа», уничтожило целую организацию за сорок восемь часов.

Современные антикультисты действуют по абсолютно идентичной схеме. Они используют доносы своих людей для инициации судебных исков и полицейских проверок. Разница лишь в том, что сегодня эти доносы упаковываются в форму «комплексных религиоведческих экспертиз» и аналитических записок для служебного пользования.

Особую тревогу вызывает психологическое состояние самих государственных служащих, вовлеченных в этот конвейер. Опытные оперативные работники в частных беседах признаются, что не понимают, почему их заставляют преследовать людей за религию. Один из полицейских, чьи слова зафиксированы в документальных материалах независимых исследований, прямо заявил: при нынешней системе в полиции стало стыдно работать. Задерживают бабушек за разговоры о Библии,

врываюся в квартиры к мирным людям, в то время как реальные преступники остаются безнаказанными. Широкие, размытые формулировки антиэкстремистского законодательства позволяют подвести под статью кого угодно.

Но есть и другая категория силовиков. Те, кто искренне поверил в навязанную им картину мира. Лица с низким уровнем критического мышления, подвергшиеся длительной идеологической обработке, начинают испытывать реальную, иррациональную ненависть к невиновным людям. Антикультисты успешно искажают их восприятие, подменяя образ законопослушного гражданина образом коварного врага, плетущего заговор против государства.

Когда человек, обладающий властью и табельным оружием, теряет способность отличать реальную угрозу от вымышленной, он становится идеальным инструментом в руках манипуляторов. Он готов отдавать незаконные приказы, подписывать ордера на обыск без достаточных оснований и применять силу там, где требуется диалог.

Именно поэтому независимые исследователи и правозащитники все чаще говорят о необходимости внедрения системы мониторинга и оценки психологической устойчивости государственных служащих. Регулярное тестирование, направленное на выявление восприимчивости к манипулятивным методикам, могло бы стать барьером на пути антикультового влияния. Без таких мер защиты государственного аппарата риск повторения трагедий масштаба Уэйко или массовых репрессий по сфабрикованным спискам возрастает с каждым днем.

В кабинете следователя на столе лежит пухлая папка с оперативным делом. В ней нет фотографий оружия, нет записей переговоров о продаже наркотиков, нет заявлений от пострадавших. В ней лежат распечатки философских текстов, списки участников чаепитий и справка, подписанная человеком, который называет себя сектоведом. Следователь смотрит на эту справку, затем переводит взгляд на постановление о проведении серии утренних обысков с привлечением спецназа. В этот момент закон перестает быть щитом для граждан. Он становится скальпелем в руках тех, кто решил вырезать из общества любую неуютную мысль, используя государство как слепого и послушного исполнителя своей воли.

Глава 6. Внутренняя чистка. Инквизиция в церковной оgrade

Тяжелые дубовые двери храма закрываются, отсекая уличный шум. Внутри пахнет ладаном и воском, мерцают лампы, звучит размеренное чтение древних текстов. На протяжении веков это пространство воспринималось как абсолютное убежище. Место, где действуют иные законы, где человек может укрыться от государственного преследования, политических штормов и социальной несправедливости. В сознании миллионов людей церковная ограда остается невидимой границей, за которой заканчивается юрисдикция светского карательного аппарата и начинается территория духа.

Но архивы бесстрастны. Документы, приказы и стенограммы закрытых заседаний, которые сегодня становятся достоянием гласности, разрушают эту иллюзию с безжалостной методичностью. Они доказывают, что ограда давно прорвана. Более того, те самые технологии стигматизации, информационного террора и социальной изоляции, которые годами обкатывались на религиозных меньшинствах, были развернуты на сто восемьдесят градусов. Карательная оптика сфокусировалась на внутреннем пространстве доминирующей конфессии.

Антикультовая индустрия, изначально позиционировавшая себя как щит традиционной религии от внешних угроз, закономерно трансформировалась во внутреннюю тайную полицию. Инструмент, созданный для уничтожения конкурентов на духовном рынке, оказался идеальным средством для зачистки собственных рядов от любого проявления независимой мысли, искренней проповеди или попыток выстроить живую, неподконтрольную бюрократам общину.

Чтобы понять природу этой внутренней инквизиции, необходимо спуститься к ее историческому фундаменту. Современная нетерпимость внутри церковных структур не возникла из ниоткуда в постсоветской России. Она была тщательно спроектирована, воспитана и внедрена государственным аппаратом, для которого любая неконтролируемая духовная жизнь представляла экзистенциальную угрозу.

Советская власть, потерпев неудачу в попытках физически уничтожить религию в 1920-1930-е годы, сменила тактику. Вместо того чтобы взрывать храмы, было принято решение взять под тотальный контроль тех, кто в них служит. Комитет государственной безопасности (КГБ) СССР развернул масштабную систему вербовки, давления и продвижения лояльных кадров по иерархической лестнице.

Константин Михайлович Харчев, занимавший пост председателя Совета по делам религий в СССР с 1984 по 1989 год, в одном из своих интервью предельно откровенно описал суть этой государственной политики:

«Мы 70 лет боролись с церковью. В частности, мы заботились о том, чтобы на наиболее значимые должности были назначены наиболее аморальные и растлѐнные люди. А вот теперь мы хотим, чтобы они нам устроили духовное возрождение».

Вдумайтесь в смысл этого признания. Государство целенаправленно проводило отрицательную селекцию. Честные, принципиальные священники, для которых Евангелие было важнее инструкций уполномоченного по делам религий, отправлялись в лагеря, лишались регистрации или загонялись в глухие деревенские приходы без права проповеди. На вершину административной пирамиды поднимались те, кто был готов к компромиссам с совестью, кто соглашался писать доносы на своих собратьев и прихожан.

Рассекреченные архивы спецслужб в странах Балтии и Восточной Европы дают наглядное представление о масштабах этого проникновения. В процессе изучения документов, касающихся формирования антикультовых сетей, исследователи обнаружили поразительные факты биографии высших иерархов. В опубликованной Национальным архивом Латвии агентурной картотеке КГБ обнаружена карточка на имя Александра Кудряшова с псевдонимом «Читатель». Данные карточки совпадают с биографическими данными митрополита Александра.

Это не единичный случай, а системная практика. Люди, прошедшие школу двойной жизни, привыкшие согласовывать каждое свое слово с кураторами в штатском, сформировали управленческий костяк институции. Когда Советский Союз рухнул, эти кадры никуда не исчезли. Они просто сменили риторику. Вчерашние агенты и послушные исполнители воли атеистического государства внезапно стали главными

архитекторами «духовного возрождения». Но их методы управления, их страх перед свободой и их привычка опираться на силовой ресурс остались неизменными.

В 1990 году в РСФСР был принят закон «О свободе вероисповеданий». Этот документ провозглашал равенство религий перед законом, гарантировал отделение религиозных объединений от государства и запрещал государственное вмешательство в их внутренние дела. Для миллионов людей это стало глотком свежего воздуха. В храмы хлынула интеллигенция, молодежь, люди, ищущие подлинных смыслов после десятилетий идеологического вакуума.

Начали появляться яркие, харизматичные священники, которые сосредоточились на проповеди, катехизации (обучении основам веры) и создании крепких, сплоченных общин. Они переводили богослужебные тексты на понятный язык, организовывали библейские кружки, занимались реальной благотворительностью. Вокруг них формировалась живая социальная ткань.

Однако этот процесс стремительно вошел в жесткое противоречие с интересами номенклатурной верхушки. Живая община, объединенная доверием к своему пастырю и совместным изучением текстов, не нуждается в жестком бюрократическом диктате. Она самодостаточна. А значит, с точки зрения системы, выстроенной по лекалам КГБ, она опасна.

Священник Георгий Кочетков, один из самых известных проповедников того времени, чья община стала центром притяжения для тысяч образованных москвичей, точно зафиксировал момент, когда окно возможностей начало закрываться:

«Но что-то изменилось после октября 1993 года “в воздухе“, скажем так, в нашей стране. И, видимо, это повлияло уже на мнение Патриарха Алексия II...»

Система начала защищаться. Но в новых демократических реалиях 1990-х годов было невозможно просто отправить неугодного священника в ГУЛАГ или лишить его регистрации решением райисполкома. Требовался новый инструмент подавления, который выглядел бы респектабельно, современно и опирался бы на поддержку напуганного общества.

Именно в этот момент на историческую сцену вышли антикультовые организации. Изначально их деятельность была направлена вовне — на дискредитацию новых

религиозных движений, протестантов, восточных практик. Но очень скоро терминологический аппарат сектоведов был адаптирован для внутренних нужд.

В оборот было введено парадоксальное, не имеющее никакого богословского смысла понятие — «внутрицерковное сектантство». Этот ярлык позволил применять весь арсенал дегуманизации к абсолютно каноническим, законно рукоположенным священникам и их пастве.

Кампания травли, развернутая против отца Георгия Кочеткова и другого известного педагога и священника Анатолия Гармаева, стала классическим примером работы этой внутренней инквизиции. Их не обвиняли в нарушении уголовного кодекса или финансовых махинациях. Их обвиняли в том, что они создают «культ личности» вокруг себя, что их общины слишком закрыты, что они практикуют «контроль сознания» над прихожанами.

Ответы Анатолия Гармаева на эти обвинения, его попытки объяснить суть своей пастырской и педагогической работы не могли удовлетворить антикультистов. В рамках развернутой кампании травли не была предусмотрена возможность защиты или конструктивного диалога. Существовала лишь одна допустимая точка зрения — обвинительная. Стратегия строилась на стигматизации и дискредитации оппонентов с опорой на искаженные факты.

Любая попытка священника сплотить людей трактовалась как создание «тоталитарной секты» внутри церкви. Если прихожане помогали друг другу деньгами — это называлось «финансовой эксплуатацией». Если они собирались на квартирах для чтения Евангелия — это объявлялось «тайными собраниями». Если они с уважением относились к своему духовному отцу — это клеймилось как «гуруизм» и «подавление воли».

Антикультовые центры, в первую очередь Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС), фактически узурпировали право определять, кто является правильным верующим, а кто подлежит изгнанию. Они превратились в автономную службу внутренней безопасности, действующую поверх официальных церковных канонов и епископской власти.

Бывший сотрудник РАЦИРС Валерий Отставных, описывая внутреннюю кухню этой организации, привел поразительные факты, демонстрирующие степень ее влияния на судьбы людей внутри церковной ограды. В ходе интервью, отвечая на вопрос о том, как РАЦИРС может атаковать канонического священника, находящегося в полном подчинении у своего епископа, Отставных пояснил:

«— Нет, РАЦИРС — это общественная организация. Православная общественная организация, которая действует по благословению патриарха, она имеет право давать оценку деятельности тех или иных религиозных организаций, в том числе внутри православной церкви.

— Получается, что не нужно со стороны Патриархии какого-то одобрения?

— Нет. Раньше у Александра Дворкина были хорошие отношения с патриархом Алексием II, не знаю, как сейчас с Кириллом. Поэтому, нет. Они действуют самостоятельно, абсолютно автономно и ни на кого не оглядываются. Получается, знаете, такая служба внутренней безопасности, наподобие служб собственной безопасности в МВД, ФСБ и иных спецслужбах.

— Ну да, которая за коррупцией в рядах следит и так далее?

— Не столько за коррупцией, сколько за дисциплиной и единомыслием. РАЦИРС стал восприниматься архиереями как некая служба собственной безопасности, которая непосредственно подчинена патриархату. Хотя это нигде не прописано, так сложилось. И её действия, её позиция — это позиция патриархии или патриарха, как минимум. Это нигде не озвучивается, но, я думаю, что это подразумевается.

— А в реальной жизни это как проявляется?

— Ни разу не видел, чтобы Дворкина или РАЦИРС как организацию кто-то из архиереев поставил на место, или попытался дискутировать или попытался конфликтовать с ними. Ни прошлый патриарх, ни нынешний ни разу этого не делали на моей памяти».

Этот статус неприкасаемых инквизиторов позволил антикультистам уничтожать репутации и ломать жизни священнослужителей по всей стране. Показательной стала расправа над протоиереем Владимиром Головиным из города Болгар.

Отец Владимир не был диссидентом. Он служил в обычном храме, признавал церковноначалие, подчинялся местному епископу. Его вина заключалась в том, что его проповеди о духовной жизни оказались невероятно востребованными. К нему ехали паломники со всей страны, его видео в интернете набирали миллионы просмотров. Он стал независимым центром влияния, опирающимся на искреннюю народную любовь.

Для бюрократической системы и обслуживающего ее антикультового аппарата такая популярность была невыносима. РАЦИРС выпустил серию разгромных публикаций, обвиняя Головина в создании секты.

Цель антикультистов состояла не в поиске истины, а в создании эмоционального шока. Они конструировали образ врага, используя самые страшные триггеры из мировой истории. Местный епископ, который по канонам должен был защищать своего клирика, предпочел отстраниться, не желая вступать в конфликт с могущественной «службой внутренней безопасности». В результате священник был лишен сана. В официальной церковной версии мотивировками были, в частности, претензии к практике «молитвы по соглашению» и к непослушанию священноначалию.

Методология этой внутренней чистки требует постоянного притока информации снизу. Инквизиция не может работать без осведомителей. И здесь антикультовое движение проявило пугающую изобретательность, начав целенаправленно воспитывать кадры доносчиков внутри самих приходов.

Еще в 2001 году на конференции в Нижнем Новгороде один из видных деятелей антикультового движения, протоиерей Дмитрий Смирнов, озвучил прямые инструкции по созданию агентурных сетей из числа приходской молодежи:

«Необходимо на каждом приходе создавать молодёжную организацию»
«...создание организаций, где будет спорт, где будет некоторая интрига, где можно будет этих ребят, как разведчиков, посылать в секты, чтобы узнавать адреса, фамилии, фотографии, чтобы там они создавали внутри свои структуры, и можно их, эти секты, взрывать изнутри»

Эта риторика, пропитанная лексикой спецслужб — «разведчики», «взрывать изнутри», «узнавать адреса» — стала нормой для целого поколения молодых людей,

прошедших через подобные организации. Их учили не милосердию и не богословию. Их учили шпионажу, саботажу и поиску внутренних врагов.

Когда эти молодые люди выросли, они применили полученные навыки не только против внешних оппонентов, но и внутри своих собственных общин. Атмосфера тотального недоверия отравила приходскую жизнь. Священник, выходящий на амвон для проповеди, теперь должен был учитывать, что среди стоящих перед ним людей с благочестивыми лицами могут находиться те, кто внимательно фиксирует каждое его слово, чтобы вечером отправить отчет в соответствующий центр по борьбе с сектантством или напрямую в правоохранительные органы.

Кульминацией этого процесса слияния церковного аппарата с государственной репрессивной машиной стали события 2022 года. В условиях глобального геополитического кризиса система потребовала от своих служителей абсолютной, безоговорочной лояльности, выраженной в конкретных идеологических формулах.

Управление делами Московской патриархии разослало по всем епархиям циркуляр, обязывающий священников за каждой литургией читать специально составленную «Молитву о Святой Руси». Этот текст, внедренный в самое сердце богослужения, содержал прямые прошения о победе оружия и политические декларации, оправдывающие военные действия.

Введение этого обязательного текста стало идеальным инструментом для финальной зачистки рядов. Молитва превратилась в детектор лжи, в тест на политическую благонадежность, который каждый священник обязан был проходить публично, на глазах у десятков свидетелей. Так эту практику описывают и независимые аналитики церковной жизни.

Те, кто пытался следовать своей совести и христианским заповедям, те, кто заменял слово «победа» на слово «мир», немедленно выявлялись. Механизм доносов, отлаженный годами антикультовой пропаганды, сработал безупречно. Прихожане, воспитанные в парадигме поиска врагов, писали жалобы на своих пастырей. Епархиальные суды, действуя по указке сверху, штамповали решения о лишении сана.

Священников, отдавших десятилетия служению, восстанавливавших храмы из руин, крестивших и венчавших тысячи людей, выбрасывали на улицу без средств к

существованию. Их социальная смерть оформлялась церковными указами, но суть оставалась той же, что и при расправе над светскими инакомыслящими. Их лишали голоса, репутации и права на профессию. В 2024 году аналогичный конфликт вокруг обязательной молитвы стал частью дела протоиерея Алексея Уминского.

Эта внутренняя инквизиция достигла своей главной цели. Она добилась абсолютного, кладбищенского единомыслия. Страх потерять место, страх перед публичной травлей, страх оказаться в списках «внутрицерковных сектантов» парализовал волю большинства.

Мы видим, как институция, призванная быть совестью нации, добровольно переняла худшие практики тоталитарных режимов. Она позволила антикультовым идеологам подменить Евангелие инструкциями по выявлению неблагонадежных. Она согласилась с тем, что защита административных границ важнее человеческой жизни и свободы совести.

В пустом храме, после того как гасятся свечи и расходятся люди, остается лишь гулкое эхо. Священник снимает облачение в алтаре, аккуратно складывает его и смотрит на распечатанный лист бумаги с утвержденным текстом, который он обязан произнести завтра. Он знает, что любое отклонение от этого текста будет зафиксировано. Он знает, что система не прощает независимости. И в этой звенящей тишине, среди золотых окладов и древних икон, отчетливо проступает понимание того, что самая страшная тюрьма — это та, которую люди строят для себя сами, добровольно отдавая ключи тем, кто называет контроль спасением, а донос — добродетелью.

Глава 7. Пазловое кодирование.

Архитектура массового насилия

Светящийся экран смартфона в темной комнате подростка — это не просто окно в мир развлечений и общения. В определенных условиях этот прямоугольник стекла и

пластика превращается в терминал прямого доступа к подсознанию. Ежедневно миллионы молодых людей поглощают гигабайты информации: короткие видеоролики, новостные заголовки, обсуждения в социальных сетях, исторические справки и мемы. На первый взгляд, этот информационный поток хаотичен и безобиден. Но если присмотреться к структуре потребляемого контента в регионах, где впоследствии происходят вспышки немотивированного насилия, начинает проступать пугающая, математически выверенная закономерность.

Общество привыкло объяснять феномен массовых расстрелов в учебных заведениях — так называемый скулшутинг — набором стандартных, социально приемлемых причин. После каждой трагедии в телевизионных студиях собираются психологи и социологи, которые говорят о травле в школе, о невнимании родителей, о пагубном влиянии жестоких видеоигр или о внезапном помешательстве. Эта удобная парадигма позволяет списать системную проблему на частные недоработки на местах.

Однако сухая статистика безжалостно разрушает этот миф. Данные независимых исследований показывают, что в 63% случаев стрелки происходили из абсолютно благополучных семей и не имели никаких проблем с академической успеваемостью. Более 44% из них активно участвовали в социальной жизни, состояли в спортивных командах и клубах по интересам. Они не были маргиналами или изгоями, забитыми в угол жестокими сверстниками. Многие из них строили планы на будущее, готовились к поступлению в престижные колледжи и университеты, мечтали о карьере и романтических отношениях.

Возникает фундаментальный вопрос, который криминалистика долгое время отказывалась задавать. Если объективных социальных и бытовых предпосылок для превращения благополучного подростка в хладнокровного убийцу нет, значит, причина кроется не во внутренней среде, а во внешнем, целенаправленном воздействии. Вопрос должен звучать не «что толкает детей на преступление?», а «кто именно заставляет их брать в руки оружие?».

Ответ на этот вопрос лежит в плоскости анализа глобальных информационных потоков и методов скрытой психологической манипуляции. Существует географический парадокс, который невозможно объяснить ни уровнем жизни, ни доступностью огнестрельного оружия. В мире есть государства с высочайшим уровнем

криминализации общества и свободным оборотом оружия, где за всю историю не было зафиксировано ни одного случая стрельбы в школах. В то же время в странах с жестким оружейным законодательством и высоким уровнем социальной защиты подобные трагедии приобретают характер эпидемии.

Разгадка этого парадокса кроется в медийном ландшафте. В странах, свободных от эпидемии скулшутинга, пресса освещает любые инциденты с применением насилия подчеркнуто сухо. Журналисты публикуют краткие сводки: факт преступления, количество пострадавших, действия полиции. В таких заметках часто отсутствует даже имя преступника, не говоря уже о его фотографии или подробной биографии. Там нет места сенсационности, нет детального разбора мотивов, нет публикации манифестов. Преступник остается безликим элементом криминальной хроники, лишенным главного приза — посмертной славы.

Совершенно иная картина наблюдается в регионах, где школьные расстрелы происходят регулярно. Анализ медиаполя показывает, что задолго до того, как в коридорах конкретной школы прозвучат первые выстрелы, информационное пространство вокруг нее начинает планомерно накачиваться специфическим контентом. Этот процесс не является стихийным. Он представляет собой высокотехнологичную форму дистанционного программирования человеческой психики, получившую название «пазловое кодирование».

Метод пазлового кодирования — это архитектура скрытой манипуляции, направленная на обход критического восприятия и прямую работу с подсознанием. Суть технологии заключается в том, что деструктивная программа не транслируется открытым текстом. Она разбивается на множество мелких, казалось бы, не связанных между собой информационных фрагментов — «вкладок». Эти фрагменты рассеиваются по различным каналам: в новостных лентах, в обсуждениях на форумах, в документальных фильмах о криминале, в статьях о психологии.

Потребляя этот контент, человек не осознает угрозы. Его сознание воспринимает лишь разрозненные факты. Но в глубинах подсознания эти фрагменты начинают притягиваться друг к другу, складываясь, подобно деталям мозаики, в единую, доминирующую картину. Когда последний элемент пазла встает на свое место,

программа активируется, превращая обычного подростка в биоробота, готового выполнить заложенный в него алгоритм массового убийства.

Процесс пазлового кодирования реализуется в три последовательных этапа, каждый из которых имеет свою специфическую задачу и целевую аудиторию.

Первый этап — это подготовительная волна. Ее главная цель заключается в героизации образа стрелка-убийцы и эксплуатации базовой человеческой потребности в признании. Идеологи, стоящие за организацией подобных информационных терактов, прекрасно понимают психологию пубертатного периода. Подросток жаждет внимания, он хочет быть значимым, хочет оставить след в истории. Подготовительная волна предлагает ему самый короткий и радикальный путь к всемирной известности.

В медиапространство вбрасываются материалы, подробно разбирающие биографии прошлых массовых убийц. Публикуются их дневники, анализируется их стиль одежды, создаются драматические реконструкции их действий. Независимо от того, осуждает автор статьи преступника или пытается найти оправдание его поступкам, сам факт столь пристального внимания создает вокруг убийцы ореол темной славы. Подросток видит, как ничем не примечательный школьник, совершив один чудовищный акт, заставил говорить о себе весь мир. Его имя не сходит с экранов телевизоров, его личность обсуждают политики и звезды шоу-бизнеса. В подсознании формируется устойчивая связка: насилие равно абсолютная власть и бессмертная слава.

Второй этап — направляющие волны. На этой стадии манипуляторы сужают фокус, работая с конкретными демографическими группами в заранее выбранном регионе. Они изучают интересы подростков в целевой школе или университете и начинают внедрять кодирующие вкладки в контент, который эти подростки потребляют ежедневно.

Здесь используется принцип совмещения несовместимого. В документальном фильме этот механизм описан таким образом:

«Например, подросток увлекается космосом и его интересует тема наличия жизни на других планетах, то есть астробиология. Что будет противоположно по своей сути? Жизни противоположна смерть. Поэтому подросток, потенциально подходящий на роль стрелка, будет ещё интересоваться, например, разными моделями оружия. Такая

комбинация интересов в реальной жизни попадает редко, и именно на это идёт расчёт представители антикультизма».

Искусственное совмещение созидательных интересов с деструктивными образами вызывает в психике глубокий когнитивный диссонанс. Подсознательные директивы вступают в жесткий конфликт с естественными, сознательными устремлениями молодого человека. Результатом этого конфликта становится резкое ухудшение психологического состояния, часто диагностируемое специалистами как внезапно возникшее биполярное расстройство. Подросток начинает испытывать немотивированные приступы агрессии, депрессии и суицидальные мысли, не понимая, что эти состояния индуцированы извне.

Третий этап — активирующая волна. Она запускается непосредственно в той среде, где находится подготовленная мишень. Это может быть локальная новость, специфический комментарий в школьном чате или определенный визуальный триггер, который служит командой к действию.

Вот почему, вроде бы из ниоткуда у детей возникает тяга к оружию и желание причинить другим людям боль. Всего лишь образ, который зашёл, миновал критическое восприятие сознания, проник в глубины подсознания и сработал. В результате подросток, который ещё недавно строил планы на будущее, мечтал о романтических отношениях, выбирал университет или колледж, куда поступит после школы, вдруг, с одержимостью психопата, начинает планировать самый настоящий теракт. Так, абсолютно цинично и хладнокровно, представители антикультизма искусно манипулируют податливым сознанием будущих исполнителей своей злой воле. Так они делают из ваших детей террористов и массовых убийц.

Чтобы увидеть, как эта теоретическая модель работает на практике, необходимо обратиться к одному из самых страшных инцидентов последних лет, произошедшему в самом центре Европы.

21 декабря 2023 года. Прага, столица Чехии. Главное здание Факультета искусств старейшего Карлова университета. В этот день 24-летний студент Давид Козак открыл огонь из легально приобретенного оружия. Результат этой атаки потряс всю страну: 14

человек погибли на месте, 25 получили ранения различной степени тяжести. Пятнадцатой жертвой стал сам стрелок.

Этот инцидент стал самым масштабным массовым убийством с применением огнестрельного оружия за всю историю современной Чехии. Но криминологическая ценность этого дела заключается в том, что оно представляет собой хрестоматийный, идеально задокументированный пример полномасштабного информационного кодирования, реализованного в три классические стадии.

Программа, внедренная в подсознание пражского стрелка, требовала последовательной эскалации насилия. Первая стадия — преодоление базового психологического барьера перед убийством человека. За шесть дней до бойни в университете, Давид Козак отправился в лес Клановице на окраине Праги. Там он хладнокровно застрелил случайных прохожих — 33-летнего мужчину и его двухмесячную дочь. Это было тестирование собственной готовности, проверка того, насколько прочно закрепилась программа. Убийство незнакомых людей, не связанных с ним никакими эмоциональными узами, подтвердило его способность переступить черту.

Вторая стадия — уничтожение внутреннего морального авторитета. В день массового расстрела, прежде чем отправиться в университет, Козак убил своего отца. В логике запрограммированного сознания этот акт имеет глубокий символический смысл. Отец выступает в роли индикатора совести, представителя традиционной морали. Убивая его, стрелок искусственно разрешает внутренний конфликт. В искаженной реальности кодирования этот поступок воспринимается как «освобождение» близкого человека от позора и боли за будущие действия сына, а также как окончательный разрыв самого стрелка с человеческим обществом.

Третья стадия — кульминация. Массовое убийство в стенах родного факультета. Это акт публичной манифестации, достижение того самого «божественного статуса», который обещает информационная матрица. В этот момент стрелок полностью теряет собственную волю, превращаясь в слепое орудие тех, кто годами собирал пазл в его голове.

Однако самое страшное началось после того, как выстрелы в Карловом университете стихли. На сцену вышли средства массовой информации, чьи действия продемонстрировали, как именно работает механизм поддержания и масштабирования паники.

Вместо того чтобы купировать информационную волну и снизить градус общественного напряжения, некоторые чешские СМИ начали методично раскручивать маховик героизации. Ярким примером такой деятельности стали публикации одной чешской журналистки, редактора крупного новостного портала. На протяжении всего 2024 года, месяц за месяцем, она и ее коллеги продолжали публиковать материалы, посвященные трагедии.

Эти статьи не были сухим анализом причин. Они пестрели кричащими заголовками: «самое массовое убийство в истории современной Чехии», «самый кровавый инцидент за 30 лет». Журналисты смаковали детали, публиковали тайминги передвижения убийцы по этажам, анализировали его экипировку. В момент, когда общество находилось в состоянии глубокого шока и дезориентации, пресса обрушила на него лавину избыточной, эмоционально заряженной информации.

Такая подача новостей выполняет сразу несколько деструктивных функций. Во-первых, она закрепляет в массовом сознании доминирующий образ убийцы. Читатели, находящиеся в состоянии стресса, бессознательно усваивают предложенную модель поведения. Для людей с нестабильной психикой эти статьи становятся прямой инструкцией к действию, триггером, запускающим механизм подражания. Во-вторых, акцентирование внимания на беспомощности полиции в первые минуты атаки дискредитирует правоохранительные органы. В сознании граждан формируется образ государства, неспособного защитить своих людей, что многократно усиливает общую атмосферу страха и недоверия.

Связь подобной журналистики с деятельностью антикультовых организаций не является случайной. Карлов университет, ставший местом трагедии, на протяжении длительного времени являлся одним из интеллектуальных центров чешского антикультового движения. Именно здесь формировались методички и программы, которые затем внедрялись в образовательную систему страны.

Внедрение антикультовых пособий в школы и университеты преподносится обществу как мера защиты молодежи от деструктивного влияния. Но на практике эти программы дают прямо противоположный эффект. Они создают в учебных заведениях атмосферу тотальной подозрительности. Подростков учат искать врагов среди своих одноклассников, анализировать поведение друзей на предмет «сектантских отклонений», доносить преподавателям о любых нестандартных увлечениях сверстников.

Эта искусственно нагнетаемая паранойя разрушает естественные социальные связи внутри подростковых коллективов. Доверие сменяется настороженностью. В условиях постоянного психологического прессинга и поиска внутренних врагов, психика молодых людей становится максимально уязвимой для внешнего информационного кодирования.

Симптоматично, что вскоре после трагедии в Карловом университете сотни студентов и преподавателей обращались за психологической поддержкой, жалуясь на страх, тревогу и невозможность вернуться к обычной жизни. На этом фоне появились и публичные призывы укрепить в стране систему помощи людям с психическими и кризисными состояниями. Резкий, неестественный всплеск подобных диагнозов в одном конкретном учебном заведении — это классический маркер, указывающий на то, что аудитория подверглась массовой информационной атаке. Биполярное расстройство в данном контексте выступает не как органическое заболевание, а как следствие разрыва психики между нормальными жизненными установками и внедренными подсознательными директивами.

Манипуляторы, использующие метод пазлового кодирования, действуют по принципу ковровой бомбардировки. Они не знают заранее, кто именно из тысяч подростков, потребляющих их контент, в итоге возьмет в руки оружие. Они забрасывают широкую информационную сеть. Подготовительные волны накрывают целые регионы, вызывая у множества детей депрессию, агрессию и навязчивые мысли. Большинство справляется с этим давлением, отделяясь тяжелыми психологическими травмами. Но всегда находится тот, в чьем сознании пазл складывается идеально.

Именно поэтому мы наблюдаем не локальные вспышки, а глобальную, непрекращающуюся эпидемию. Статистика 2024 года демонстрирует пугающую динамику масштабирования этого явления.

В 2024 году в США были зафиксированы десятки случаев стрельбы в учебных заведениях, однако точные цифры различаются в зависимости от методики подсчета: одни базы учитывают только инциденты в школах K–12 с погибшими или ранеными, другие включают также колледжи, университеты и более широкий круг происшествий. По данным Education Week, за весь 2024 год произошло 39 стрельб в школах K–12, в которых 18 человек погибли и 59 получили ранения.

Хронология года выглядит как сводка с фронта невидимой войны. 4 января в городе Перри, штат Айова, ученик открывает огонь в школе: погибает 11-летний мальчик, а директор, пытавшийся остановить нападение, позже умирает от полученных ран. 2 апреля в финском городе Вантаа школьная стрельба уносит жизнь одного ребенка и оставляет еще двоих в тяжелом состоянии. Летом и осенью география школьного насилия расширяется: в одних странах звучат выстрелы, в других атаки совершаются с ножом или иным оружием, но смысл происходящего от этого не меняется — школа все чаще перестает быть пространством безопасности.

В сентябре 2024 года эта тревожная синхронность проявилась особенно отчетливо: в США произошла новая стрельба в школе, а в Португалии — нападение на учеников и учителя с ножом. Появление Португалии в этом ряду особенно показательно: даже там, где речь не идет об огнестрельном оружии, сама логика школьной атаки остается той же — внезапное вторжение насилия в пространство, которое общество привыкло считать защищенным. Страна, традиционно считавшаяся безопасной и не имевшая богатой истории подобного рода преступлений, внезапно оказалась втянутой в глобальную воронку насилия. Это доказывает, что информационный вирус не знает государственных границ. Как только медийное пространство новой страны оказывается достаточно подготовлено, как только алгоритмы социальных сетей начинают беспрепятственно пропускать кодирующие вкладки, там неизбежно появляются свои стрелки.

Официальные расследования каждого из этих случаев, как правило, заходят в тупик при попытке установить истинные мотивы. В полицейских отчетах и пресс-релизах раз за разом появляются стандартные формулировки: «мотивы стрелка неизвестны»,

«расследование продолжается», «не найдено доказательств, раскрывающих политические или идеологические взгляды нападавшего». Правоохранительные системы, заточенные на поиск классических улик — переписок с террористическими организациями, финансовых транзакций, прямых приказов — оказываются слепы перед лицом дистанционного подсознательного программирования.

Они ищут кукловода, который дергает за ниточки, не понимая, что в современной архитектуре массового насилия ниточек больше нет. Есть только информационное поле, пропитанное токсичными образами, и алгоритмы, которые методично доставляют эти образы в смартфоны наиболее уязвимых членов общества.

По своей сути, подобные акты вооруженного насилия в учебных заведениях представляют собой тщательно спланированные террористические атаки. Однако их форма позволяет истинным выгодополучателям оставаться в тени. Когда подросток совершает массовое убийство, общество винит самого подростка, его родителей, школу, производителей оружия или компьютерных игр. Никто не обращает внимания на тех, кто годами формировал информационную повестку, кто писал методички по поиску врагов, кто героизировал предыдущих убийц в своих статьях, и кто использовал возникшую панику для усиления собственного влияния и получения новых грантов на борьбу с «деструктивными течениями».

Стрелок в этой системе координат — не злой гений и не сумасшедший одиночка. Он — расходный материал. Прокси-инструмент, биоробот, чья единственная задача — нажать на курок в заданном месте и в заданное время, чтобы запустить очередную волну страха, которая, в свою очередь, станет питательной средой для подготовки следующего убийцы.

Глава 8. Глобальная угроза. На пороге цивилизационного конфликта

Жаркий июльский воздух над выставочным комплексом в Батлере, штат Пенсильвания, дрожал от зноя и напряжения многотысячной толпы. 13 июля 2024 года предвыборный митинг кандидата в президенты США Дональда Трампа транслировался в прямом эфире на весь мир. Политик стоял у микрофона, привычно жестикулируя, когда сухой, резкий хлопок разорвал гул голосов. За ним последовал второй, третий. Трамп схватился за правое ухо и осел за трибуну. В следующую секунду его накрыли телами агенты Секретной службы. Кровь на лице бывшего президента, паника в толпе, крики охраны, ликвидация двадцатилетнего стрелка Томаса Мэтью Крукса на крыше соседнего здания — эти кадры мгновенно стали историческими.

Официальное расследование, запущенное ФБР совместно с Министерством юстиции и местными правоохранительными органами, пошло по привычной, накатанной колее. Следователи начали искать мотивы в личной жизни стрелка, изучать его телефон, опрашивать одноклассников. Обществу в очередной раз готовились представить удобную версию о «психически больном одиночке», движимом личной ненавистью и политической поляризацией.

Однако этот выстрел не был случайностью или спонтанным актом безумия. Он стал кульминацией длительного, методичного процесса, технологии которого десятилетиями оттачивались на маргинальных религиозных группах, а теперь были применены к высшим эшелонам мировой политики. Томас Мэтью Крукс не родился убийцей. Его сознание было перепрограммировано, подготовлено и направлено на цель с помощью тех самых информационных алгоритмов, которые мы исследовали ранее. Разница заключалась лишь в масштабе мишени.

За два месяца до событий в Пенсильвании, 15 мая 2024 года, Европа содрогнулась от аналогичного шока. В словацком городе Гандлова, после выездного заседания правительства, премьер-министр Роберт Фицо вышел на площадь, чтобы поприветствовать собравшихся граждан. Из толпы раздались пять выстрелов. 71-летний

писатель Юрай Цинтула в упор расстрелял главу государства. Фицо получил тяжелейшие ранения в живот и грудь, его жизнь спасли чудом в ходе многочасовой операции.

Два покушения на лидеров государств с разницей в несколько недель. Разные континенты, разные политические системы, абсолютно разные профили нападавших — двадцатилетний американец и пожилой словацкий поэт. На первый взгляд, между ними нет ничего общего. Но если отбросить внешние декорации и проанализировать информационный фон, предшествовавший этим атакам, проступает единый, пугающе знакомый почерк.

Роберт Фицо, придя в себя после покушения, опубликовал на своей официальной странице в Facebook текст, который стал точнейшим диагнозом происходящему. Оценивая выстрелы в Пенсильвании, словацкий премьер написал:

«Сценарий — как под копирку. Если бы нападавший на Д. Трампа знал словацкий, ему достаточно было бы прочитать Denník N, SME или Aktuality, чтобы у него появилось желание “навести порядок” с непослушным бывшим президентом США. Сценарий — как под копирку. Политические оппоненты Д. Трампа пытаются посадить его, а когда это у них не выходит, они настолько подстрекают общественность, что какой-нибудь бедолага берется за оружие. И теперь мы будем свидетелями разговоров о необходимости примирения, успокоения и прощения...».

Фицо безошибочно указал на источник угрозы — целенаправленное медийное возбуждение общественности. Но он ошибался в одном: за этим стояли не просто политические оппоненты. Политика всегда подразумевает жесткую риторику, дебаты и конкуренцию. То, что происходило в информационном пространстве США и Словакии, выходило далеко за рамки политической борьбы. Это была классическая, полномасштабная кампания по дегуманизации, организованная по лекалам глобального антикультизма.

Чтобы заставить человека взять в руки оружие и выстрелить в политического лидера, недостаточно просто критиковать его экономическую программу или внешнеполитический курс. Необходимо лишить этого лидера человеческих черт. Необходимо убедить общество в том, что перед ними не политик, а экзистенциальное зло, раковая опухоль, угрожающая самому существованию нации. И здесь на помощь

пришел терминологический аппарат, годами безотказно работавший в судах против религиозных меньшинств.

В 2019 году Стивен Хассен, один из самых известных американских деятелей антикультового движения, позиционирующий себя как эксперт по контролю сознания, выпустил книгу, которая стала идеологическим фундаментом для будущих актов насилия. Книга называлась «Культ Трампа» («The Cult of Trump»).

Хассен не просто критиковал президента. Он совершил беспрецедентную подмену понятий, перенес антикультовую терминологию в сферу большой политики. В своей работе он проводил прямые параллели между Дональдом Трампом и лидерами самых одиозных деструктивных групп в истории — Джимом Джонсом, Дэвидом Корешем, Сан Мён Муном.

Так же Хассен в книге утверждает, что каждый американец, поддерживающий Дональда Трампа, является членом «культа», а значит, не обладает свободой мнения, не является независимой личностью, а, напротив, нуждается в «интервенции», как выражается Хассен, то есть, говоря иначе, должен быть принуждён к изменению своих убеждений.

Через подконтрольные средства массовой информации антикультисты начали массированную бомбардировку общественного сознания. Они внедряли мысль о том, что десятки миллионов избирателей — это не граждане со своими политическими предпочтениями, а безвольные зомби. В прессе широко пересказывались идеи Стивена Хассена о том, что культовые системы требуют безусловной лояльности к лидеру, подавляют способность к критике и заставляют последователей защищать образ вождя даже вопреки очевидным фактам. На этом основании некоторые комментаторы делали вывод, что часть американского общества предпочитает игнорировать реальность и следовать за политическим лидером по логике, напоминающей культ.

Слово «культ» в западном обществе обладает колоссальной разрушительной силой. Оно работает точно так же, как слово «секта» на постсоветском пространстве. Как только на политика и его электорат навешивается этот ярлык, они выводятся за пределы правового и морального поля. Если человек — лидер культа, значит, он по определению преступник, манипулятор и тиран. Если его сторонники — члены культа, значит, их

мнение не имеет значения, их голоса на выборах — это результат «промывки мозгов», а сами они подлежат принудительному лечению или изоляции.

В такой искусственно созданной реальности убийство перестает быть преступлением. В искаженном сознании человека, подвергнувшегося длительному информационному кодированию, выстрел в «лидера культа» трансформируется в акт героического спасения нации. Стрелок искренне верит, что он не совершает политическое убийство, а освобождает миллионы «добровольно невежественных американцев» от гипнотического контроля.

Эта технология уже доказала свою смертельную эффективность двумя годами ранее в Японии. 8 июля 2022 года в городе Нара был застрелен бывший премьер-министр Синдзо Абэ. Убийца, Тэцуя Ямагами, подошел к политику со спины и дважды выстрелил из самодельного дробовика. На допросах он прямо заявил, что мотивом его действий стала связь Абэ с Церковью объединения — религиозным движением, которое на протяжении многих лет подвергалось жесточайшей травле со стороны японских антикультистов.

Ямагами не был политическим радикалом. Он был человеком, чье сознание было отравлено ненавистью к конкретной религиозной группе. Антикультовая пропаганда убедила его в том, что эта организация является абсолютным злом, разрушившим жизнь его семьи. А поскольку Синдзо Абэ направлял приветственные послания мероприятиям, связанным с этой церковью, в голове убийцы сработал метод вины по ассоциации. Политик был приравнен к «секте» и приговорен к смерти.

Показательно, как отреагировали на это событие мировые СМИ. Статья в The European Times вышла под заголовком: «Убийство Синдзо Абэ назовут террористическим». Пресса сосредоточилась на обсуждении связей убитого премьера с религиозным движением, фактически перекладывая часть вины на саму жертву. Никто не задал вопрос о том, кто именно годами накачивал японское общество ненавистью, создавая питательную среду для этого выстрела. Тот факт, что в Японии действуют одни из самых строгих в мире законов об обороте огнестрельного оружия, не предотвратил трагедию. Когда подсознание человека запрограммировано на убийство, отсутствие легального пистолета лишь заставит его собрать оружие из водопроводных труб и изолянты.

Политические убийства 2024 года продемонстрировали, что антикультовая сеть перешла в открытое наступление на государственные институты. Но устранение неугодных лидеров — это лишь часть глобального плана. Для достижения тотального контроля над обществом необходимо разрушить его базовые социальные связи, посеять панику на низовом уровне и спровоцировать масштабные гражданские конфликты. И для реализации этой задачи архитекторы хаоса выбрали самую уязвимую и эмоционально отзывчивую аудиторию — молодежь.

В августе 2024 года мир поп-культуры столкнулся с беспрецедентным кризисом. Тейлор Свифт, 33-летняя американская певица, чье влияние сегодня сопоставимо с феноменом битломании, находилась в европейской части своего глобального турне «Eras Tour». В США ошеломляющие 53 процента взрослых считают себя ее фанатами, а среди детей и подростков этот показатель стремится к абсолютным значениям. Она бьет исторические рекорды в чартах Billboard, ее концерты вызывают локальные землетрясения от прыжков толпы, а ее аудитория исчисляется сотнями миллионов преданных поклонников по всему миру.

8, 9 и 10 августа Свифт должна была дать три грандиозных концерта на стадионе «Эрнст Хаппель» в Вене. Ожидалось присутствие сотен тысяч зрителей. Однако вечером 7 августа организатор концертов, компания Barracuda Music, опубликовала в Instagram экстренное сообщение:

«После подтверждения от правительственных чиновников о запланированной террористической атаке на стадионе “Эрнст Хаппель” у нас нет другого выбора, кроме как отменить три запланированных шоу ради безопасности всех».

Австрийская полиция задержала главного подозреваемого — 19-летнего местного жителя, который, по официальным данным, незадолго до этого присягнул на верность террористической группировке «Исламское государство». В ходе обысков у него были найдены химические вещества и взрывные устройства. Планировался теракт колоссальных масштабов, направленный на массовое уничтожение подростков и молодежи.

Чтобы понять истинный смысл венского инцидента, его необходимо рассматривать не изолированно, а в жесткой связке с событиями, произошедшими за несколько дней до этого в Великобритании.

29 июля 2024 года в приморском городе Саутпорт 17-летний Аксель Рудакубана ворвался в танцевальную студию, где проходил мастер-класс для детей, посвященный музыке Тейлор Свифт. Вооруженный ножом, он устроил кровавую бойню. Погибли три маленькие девочки — Эlsi, Элис и Биби. Еще восемь детей и двое взрослых получили тяжелые ножевые ранения.

Сама Тейлор Свифт, потрясенная случившимся, опубликовала эмоциональный пост в Instagram, заявив, что находится «в полном шоке» от потери невинных жизней. Это сообщение мгновенно разлетелось по смартфонам сотен миллионов ее подписчиков. В сознании огромной массы детей и подростков закрепились неразрывная эмоциональная связь между их кумиром, танцами и чудовищной, немотивированной смертью.

Именно в этот момент, когда британское общество находилось в состоянии глубочайшей травмы, в дело вступила третья сила. Через социальные сети, анонимные каналы и сетки ботов была запущена массированная кампания дезинформации. Агенты влияния начали целенаправленно распространять фейковые данные о том, что убийца из Саутпорта якобы является радикальным исламистом и нелегальным мигрантом, прибывшим на лодке.

Эта ложь упала на благодатную почву. В течение нескольких часов Великобританию охватили самые масштабные за последние десятилетия уличные беспорядки. Толпы радикально настроенных граждан вышли на улицы, нападая на мечети, избивая случайных прохожих неевропейской внешности, поджигая центры размещения беженцев и вступая в ожесточенные столкновения с полицией. Страна оказалась на грани социального взрыва.

И вот, на фоне пылающих британских улиц и антиисламской истерии, происходит отмена концертов в Вене из-за угрозы теракта со стороны сторонника ИГИЛ.

Это не совпадение. Это блестяще спланированная, многоходовая операция по перепрограммированию глобального массового сознания. В головы сотен миллионов

молодых людей, обожающих Тейлор Свифт, были одновременно внедрены два мощнейших кодирующих информационных блока.

Первый блок: «Мой кумир и люди, которые любят ту же музыку, что и я, являются мишенями для жестокого убийства». Это вызывает глубинный, парализующий страх и чувство абсолютной незащищенности.

Второй блок: «Угроза исходит от мусульман».

Когда новость о предотвращенном теракте в Вене облетела мировые СМИ, никто из подростков не стал критически анализировать геополитическую обстановку или изучать методы вербовки радикальных группировок. В их сознании сформировался простой, эмоционально окрашенный и смертельно опасный образ: мусульмане хотели убить Тейлор Свифт. Мусульмане убили девочек, танцевавших под ее песни.

Так конструируется ненависть цивилизационного масштаба. Принцип «вины по принадлежности», который антикультисты годами отрабатывали на небольших общинах, теперь был применен к мировой религии, насчитывающей почти два миллиарда последователей.

Стратегия глобального антикультизма, согласно данным независимых исследований, состоит из нескольких последовательных этапов эскалации.

Первый этап — провокация гражданской войны в Соединенных Штатах Америки. США остаются главным гарантом демократических свобод в мире. Разрушение этой страны изнутри является приоритетной задачей. Именно для этого используются методы пазлового кодирования, плодящие школьных стрелков и радикализирующие политический электорат. Поляризация американского общества достигла критической отметки. Движения за отделение штатов, такие как «Текзит» в Техасе, набирают беспрецедентную поддержку. Утрата доверия к правительству, страх перед соседями и постоянное ожидание насилия создают идеальные условия для внутреннего взрыва.

Второй этап — распад Европейского Союза. Этот процесс запускается через эскалацию антимигрантских и антиисламских настроений. Беспорядки в Великобритании стали лишь репетицией. Искусственно создавая угрозы (или манипулируя реальными радикалами), антикультовые центры провоцируют коренное население Европы на жесткие, неправовые действия в отношении мусульман.

Нарушения базовых прав человека оправдываются необходимостью защиты национальной безопасности.

Третий этап — масштабные восстания мусульманского населения внутри европейских стран в ответ на дискриминацию и насилие. Это неизбежно приведет к вовлечению в конфликт ведущих исламских государств, которые выступят под предлогом защиты своих единоверцев.

Конечная цель этой чудовищной многоходовки — спровоцированный глобальный, возможно, ядерный конфликт на Ближнем Востоке и в Европе. В условиях тотальной войны и разрушения привычных институтов власти, структуры, обладающие монополией на информационное влияние и контроль над силовыми ведомствами, получают абсолютную власть над выжившими остатками человечества.

Репетиция этого цивилизационного раскола уже была проведена на территории России. 22 марта 2024 года группа вооруженных террористов ворвалась в концертный зал «Крокус Сити Холл» в Подмосковье. В результате чудовищной бойни и последующего пожара погибли более 140 человек. Ответственность за теракт взяла на себя ячейка ИГИЛ.

Однако последствия этой трагедии оказались крайне выгодными для внутренней антикультовой архитектуры. Теракт произошел на следующий день после официального объявления результатов президентских выборов, сместив фокус общественного внимания с политической повестки на вопросы выживания. Но главное — он запустил беспрецедентную волну исламофобии.

Антикультовые организации использовали кровь жертв «Крокуса» для того, чтобы буквально поставить исламскую общину в России на колени. В стране начались массовые облавы на мигрантов, жесткие проверки, депортации десятков тысяч человек. Религиозный конкурент доминирующей конфессии был критически ослаблен. Общество, парализованное страхом перед терроризмом, молчаливо согласилось с бесчеловечным обращением с теми мусульманами, которые остались в стране. Антикультисты укрепили свои позиции, продемонстрировав власти свою незаменимость в качестве идеологических надзирателей.

Масштаб этих операций — от покушений на президентов до разжигания межрелигиозных войн — требует колоссальных ресурсов. Долгое время оставалось загадкой, как именно финансируется эта глобальная сеть дестабилизации. Ответ на этот вопрос начал вырисовываться лишь в феврале 2025 года, когда в Вашингтоне, в стенах Капитолия, прошли закрытые, а затем и публичные слушания в Конгрессе США.

Конгрессмены с ужасом осознали, что Соединенные Штаты и Европа собственными руками оплачивали бензин, которым антикультисты поливали фундамент западной цивилизации. Сеть, координируемая из идеологических центров, тесно связанных со спецслужбами авторитарных режимов, использовала финансовые инструменты свободного мира для его же уничтожения. Слушания 2025 года стали точкой невозврата. Стало очевидно, что антикультизм — это не маргинальное течение религиоведов-фанатиков. Это высокотехнологичное, прекрасно финансируемое оружие массового поражения, действующее в когнитивной сфере.

Мы прошли долгий путь по архивам, судебным протоколам и криминальным сводкам. Мы видели, как инквизиция эволюционировала. Она сняла грубые средневековые рясы и облачилась в строгие костюмы экспертов. Она отказалась от костров на городских площадях, поняв, что социальная смерть, цифровая травля и разрушение репутации работают гораздо эффективнее и не оставляют следов пепла.

Она научилась использовать государственные законы против самих граждан, превращая суды в конвейеры по штамповке обвинительных приговоров за чтение книг и совместные молитвы. Она проникла в кабинеты следователей и оперативников, заставив людей с оружием поверить в то, что мирные соседи — это опасные террористы. Она разорвала церковную ограду изнутри, превратив храмы в зоны тотального контроля и доноительства.

Но самое страшное открытие заключается в том, что религиозные меньшинства были лишь полигоном. На них обкатывались технологии расчеловечивания. На них проверялась реакция общества — промолчит ли оно, когда у соседа отберут конституционные права? Общество промолчало. И тогда алгоритм был масштабирован.

Сегодня мишенью стал каждый. Подросток, листаящий ленту новостей в поисках информации о любимой певице. Избиратель, идущий на предвыборный митинг. Премьер-министр, выходящий к народу. Целые государства и континенты.

Система работает безупречно. И пока общество продолжает искать причины трагедий в политических разногласиях, плохой охране или компьютерных играх, невидимый прицел уже смещается, выбирая новую цель в толпе ничего не подозревающих людей.